

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-3-5

Борис Иванович Колоницкий

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Россия
<http://orcid.org/0000-0001-9862-170X>
boris_i_kol@mail.ru

Boris I. Kolonitskii

European University at Saint Petersburg
Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
St Petersburg, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-9862-170X>
boris_i_kol@mail.ru

**Образы А.Ф. Керенского и политическая борьба в 1917 году
(на примере газет А.А. Суворина)*****Images of A.F. Kerensky and the Political Struggle in 1917
(based on the newspapers of A.A. Suvorin)**

Аннотация. В статье рассматриваются культурные формы легитимации / делегитимации власти Временного правительства. Особое внимание уделяется личному авторитету А.Ф. Керенского, в том числе риторическим приемам и визуальным образам, оформлявшим тактики его восхваления и обличения. В качестве основного источника используются издания А.А. Суворина «Маленькая газета», «Народная газета», «Русь», «Новая Русь», они сопоставляются с резолюциями, письмами и дневниками, публикациями других газет. Исследование позволяет уточнить некоторые аспекты политической изоляции Временного правительства осенью 1917 года. К этому времени пропагандистскую атаку на Керенского вели не только большевики и другие левые группы, но и правые, и консервативные издания. Пропаганда левых и правых существенно отличалась, но была у них и точка

---

* Для цитирования: Колоницкий Б.И. Образы А.Ф. Керенского и политическая борьба в 1917 году (на примере газет А.А. Суворина) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 834–883. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-3-5

For citation: Kolonitskii, B. “Images of A.F. Kerensky and the Political Struggle in 1917 (based on the newspapers of A.A. Suvorin).” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 3 (2020): 834–83, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-3-5>

© Колоницкий Б.И., 2020

© Kolonitskii B., 2020

соприкосновения: и те, и другие рисовали образ «предателя», недостойного оставаться у власти.

Ключевые слова: А.Ф. Керенский, А.А. Суворин, «Маленькая газета», «Новая Русь», политическая культура, Российская революция 1917 года, гражданская война, слухи, конспирология.

Abstract. The article examines the cultural forms of legitimation / delegitimation of authority of the Provisional Government. Particular attention is paid to the personal authority of Alexander Kerensky, including rhetorical (persuasive) devices and visual images which underlay the tactics of praising or condemning him. As the main source, the article uses the newspapers of A.A. Suvorin, namely *Malen'kaya gazeta* [Little newspaper], *Narodnaya gazeta* [People's newspaper], *Rus'* [Rus], *Novaya Rus'* [New Rus]. These newspapers are compared with resolutions, letters and diaries, and with publications in other periodicals. The study clarifies some aspects of political isolation of the Provisional Government in the fall of 1917. By this time, the propaganda attack on Kerensky was conducted not only by the Bolsheviks and other left-wing groups but also by the right-wing and conservative publications. The propaganda of the left- and right-wing opponents was significantly different but they had a point of contact: both of them created the image of the “traitor” who was unworthy to remain in power.

Key words: A.F. Kerensky, A.A. Suvorin, *Malen'kaya gazeta*, *Novaya Rus'*, political culture, Russian Revolution of 1917, Russian Civil War, rumors, conspiracy theories

Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Европейском Университете в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

The article was prepared as part of a research conducted at the European University at St Petersburg under the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00369 “Processes of legitimation of violence: culture of conflict in Russia and escalation of the Civil War.”

Введение

В центре внимания большинства историков Российской революции 1917 года, принадлежавших к разным научным школам, находились победители – большевики. Временному правительству уделялось значительно меньше внимания. Между тем, успех большевиков определялся не только успешной политической мобилизацией своих сторонников, ему способствовали и разнообразные социальные и этнические конфликты, и раскол в рядах их противников, и

политическая демобилизация противостоящих им сил, и падение авторитета Временного правительства, которое не могло обеспечивать монополию государства на использование насилия. Как отмечает современный исследователь, Временное правительство потеряло свою власть еще до того, как было свергнуто, а гражданская война неизбежно нарастала со времени «Мятежа Корнилова»¹.

Реконструкция процесса нарастания гражданской войны и потери авторитета Временным правительством является актуальной задачей современной историографии. Необходимо изучить культурные формы легитимации / делегитимации власти. Особое внимание следует уделить трансформации личного авторитета главы Временного правительства А.Ф. Керенского, в том числе риторическим приемам и визуальным образам, оформлявшим тактики его восхваления и обличения.

В настоящей статье применяется исследовательский подход, уже использовавшийся в исследовании «образов» Керенского², суть его состоит в следующем: в различных источниках выявляются часто встречающиеся негативные образы этого политика, которые в дальнейшем сопоставляются и изучаются в их развитии. Особое внимание уделяется сменявшим друг друга петроградским изданиям Алексея Алексеевича Суворина «Маленькая газета», «Народная газета», «Русь», «Новая Русь». Эти газеты были важными политическими акторами своего времени. За ними внимательно наблюдали современники, круг их читателей постоянно расширялся, они часто упоминались и в ведомственных обзорах печати, и в газетной полемике³.

---

¹ *Smith S.S.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 151, 154.

² *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. См. о Керенском: *Старцев В.И.* Крах керенщины. – Ленинград: Наука, 1982; *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. – London: Sidgwick & Jackson, 1987; Александр Керенский: любовь и ненависть революции: Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников / составитель Г.Л. Соболев. – Чебоксары: Чувашский университет, 1993; *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – Москва: Наука, 1995; *Федюк В.П.* Керенский. – Москва: Молодая гвардия, 2009; *Тютюкин С.В.* Александр Керенский: Страницы политической биографии. – Москва: РОССПЭН, 2012; А.Ф. Керенский: pro et contra: личность и деятельность А.Ф. Керенского в оценке современников: антология / составитель А.Б. Николаев. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2016.

³ Об издании см.: *Колоницкий Б.И.* «Маленькая газета» и «маленькие люди» Петрограда в эпоху революции: периодические издания А.А. Суворина в 1917 году // Личность, общество и власть в истории России: Сборник научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора В.И. Шишкина / ответственные редакторы В.М. Рынков, А.И. Савин. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2018. – С. 191–207.

В последнее время газеты А.А. Суворина привлекли внимание исследователей. В качестве источника «Маленькую газету» использовали М. Стейнберг, изучавший культуру Петербурга начала XX века, и Ц. Хасёгава, исследовавший преступность в Петрограде⁴.

В данной статье публикации изданий А.А. Суворина комментируются и сопоставляются с другими источниками, выявляются общие тенденции и конфликты, сопровождавшие процессы легитимации и делегитимации А.Ф. Керенского.

«Маленькая газета»

Н. Суханов в своих воспоминаниях особое внимание уделил этой газете А.А. Суворина:

И появилась тогда же в Петербурге некая „Маленькая газета“. Издавали ее те же Суворины – под необходимым флагом „независимого социализма“. Велась газета с огромным талантом. По своему внешнему облику это был „Père Duchesne“, орган „простонародья“. Он составлялся в соответствующем стиле и был рассчитан на то, что его формулы, выкрики, заголовки, вскользь брошенные замечания будут бить именно в центр больших вопросов темного обывателя, будут впитываться на лету простонародными массами. Но это был поистине замечательный образец народного балагурства — в прозе и виршах, замечательный образец приспособления к народным вкусам и запросам. „Père Duchesne“ по внешности может считаться только слабым, грубым подобием „Маленькой газеты“. С внутренней же стороны, со стороны содержания, идей, направления, – насколько беспринципен и расхлябан был орган Гебера, настолько последователен, выдержан, принципиален был орган Сувориных. Под видом „народности“, крайнего демократизма и „независимого социализма“ „Маленькая газета“ держала прямой и твердый курс на контрреволюционный переворот, на военно-плутократическую диктатуру. И газета читалась „простонародьем“ нарасхват, расходясь в сотнях тысяч экземпляров⁵.

Это суждение подтверждается другими свидетельствами. Известный столичный журналист Д. Заславский вспоминал:

---

⁴ *Steinberg M.* Petersburg Fin de Siècle. – New Haven; London: Yale University Press, 2011; *Hasegawa Ts.* Crime and Punishment in the Russian revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. – Cambridge, Mass.; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017.

⁵ *Суханов Н.* Записки о революции. – Берлин [и др.]: З. И. Гржебин, 1922–1923. – Кн. 4. – С. 220; *Суханов Н.* Записки о революции: в 3 т. – Москва: Политиздат, 1991. – Т. 2. – Кн. 3–4. – С. 256. «Отец Дюшен» — название ряда революционных изданий во Франции. Наиболее известен «Отец Дюшен» Эбера (выходил в 1790–1794 гг.). Литературной маской Эбера (Суханов называет его Гебером) был «Отец Дюшен», фольклорный персонаж, олицетворявший народные массы Франции. Язык этих изданий, предназначенных для широких слоев читателей, был близок к народному, отличался простотой, яркостью и грубоватостью.

“Маленькая газета“ была вульгарна и неграмотна, но в ней всегда билась подлинная жизнь, и свои читатели были к газете привязаны. <...> Ей до революции удалось создать особый жанр уличной газеты, уличной в полном и не в худшем смысле этого слова⁶.

Появление «Маленькой газеты» Суханов ошибочно относит к маю 1917 года, хотя она выпускалась с сентября 1914 г. Мемуарист заметил издание лишь тогда, когда оно приобрело политическое значение – после Апрельского кризиса.

Издателем и фактическим редактором «Маленькой газеты» был Алексей Алексеевич Суворин (1862–1937) – сын известного публициста и издателя Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912), выпускавшего влиятельную газету «Новое время». В этом издании начинал работать и Алексей Алексеевич, некоторое время он был его ответственным редактором. В 1903 г. А.А. Суворин ушел из «Нового времени» и стал издавать газету «Русь», выходящую до 1908 г. В 1914 г. А.А. Суворин создал «Маленькую газету». Суханов ошибался и в том случае, когда описывал это издание как семейное предприятие Сувориных: отношения Алексея Алексеевича с братьями не были простыми.

Другой мемуарист так характеризовал А.А. Суворина:

Трудно было сказать, каково, собственно, его политическое мировоззрение. Он, бесспорно, ненавидел гниющий самодержавный строй, но что рисовалось ему на смену – едва ли знал он сам. Немного либерализма, что-то от славянофильства, кое-что от мужицкой «правды», панславистское предание генералов Фадеева и Черняева, безотчетный патриотизм, смутные веяния восточной мудрости — все это переплеталось в пестрой чехарде⁷.

В 1917 году А.А. Суворину давали и более жесткие оценки. Редактор «Живого слова», конкурирующего, хотя и политически близкого издания, писал о «старом литературном мародере»:

... Ложь, клеветничество, шантажи с банками – вот главные вехи литературной деятельности А.А. Суворина. Когда газета «внепартийных социалистов», как она себя именует, нападает на кого, то знайте, что тут дело не в общественных моментах, а чисто в личных выгодах А.А. Суворина. ... Вся многолетняя литературная деятельность А.А. Суворина проникнута ядом человеконенавистничества, клеветы, злобы⁸.

Там же утверждалось, что А.А. Суворин «... являлся идейным вдохновителем еврейских погромов».

---

⁶ Заславский Д. Печать в февральские дни // Журналист. – 1927. – № 2. – С. 13.

⁷ Кугель А.Р. Листья с дерева. – Ленинград: Время, 1926. – С. 150.

⁸ Уманский А.М. Газетному шулеру // Живое слово. – 1917. – 1 августа.

Алексей Алексеевич привлек в «Маленькую газету» способных сотрудников. Среди них следует особо отметить двух авторов: поэта-сатирика и фельетониста Е.О. Пяткина (Евгения Венского) и В.П. Свенцицкого, известного в теософских кругах публициста.

Синхронные источники подтверждают свидетельства мемуаристов: издания А.А. Суворина пользовались популярностью у городских низов Петрограда. И меньшевики, и большевики признавали, что эти газеты летом и осенью 1917 г. конкурировали с рабочей печатью в пролетарских кварталах.⁹

«Маленькая газета» ориентировалась на простолюдина и умело приспособлялась к нему. Перечень некоторых псевдонимов, которыми подписывались письма в редакцию, позволяет судить о социальной принадлежности и культурном уровне читательской аудитории газеты: Одинокая Анюта, Несчастливая Анна, Горемыка-Инвалид М., Несчастливая Мэри, Путиловец Сирота 101, Неудачник ООО, Жаждающий утешения, Обуховский Сережа, Мастерница от Артемьевой, Женщина из очереди. В редакцию писали даже Путиловцы-эсдеки, Гвардеец Красной Гвардии. Возможно, многие письма инспирировались или фабриковались редакцией, но они дают представление об «идеальной» читательской аудитории, на которую ориентировалась газета, она была рассчитана на «обывателя» — «маленького человека», соприкасающегося с несправедливостью, насилием и преступностью. Такой читатель воспринимал издание как «народную» газету, «друга простого человека».

Мемуарист, знавший печатный мир столицы, писал, что автор газеты

... сумел очень хорошо подойти к читательской галерке <...> служил маленьким обывательским интересам маленьких людей. Он жалил недобросовестных торговцев, жестоких хозяйчиков, утешал покинутых любовниками девушек, входил во все мелочи мещанского и рабочего быта¹⁰.

Публикуя бойкие фельетоны и репортажи, обличающие городские власти и полицию, домохозяев и купцов, газета создавала образ защитницы потребителя, квартиросъемщика, наемного работника. Каждый номер начинался «девизом» — некрасовскими словами: «Где трудно дышится, где горе слышится, будь первым там»; авторы издания считали себя защитниками униженных и оскорбленных.

Авторы «Маленькой газеты» гордились «народным» языком публикаций, его «полнотой живости» и «мужицкой формой». В этом отношении характерны «раешники» Евстафия Богоявленского (псевдоним Е. Венского), которым нередко была присуща нарочитая грубость, злоупотребление арготизмами: автор

⁹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 14 июня; Рабочая газета. – 1917. – 30 сентября; Рабочий путь. – 1917. – 13 октября.

¹⁰ Заславский Д. Печать в февральские дни. – С. 13.

стремился стать «своим парнем» для обитателей окраин. Он кокетничал своей развязностью, аттестовал себя как любителя выпить и подраться.

После свержения монархии газета А.А. Суворина заняла правую позицию по многим вопросам. Она требовала продолжения войны ради присоединения обширных территорий: «...России, однако, этого (Константинополя. – *Б. К.*) мало. Ее долей и вознаграждением должна быть вся Малая Азия!» — гласила передовая статья первого номера «Маленькой газеты», вышедшего сразу же после революции. Это требование неоднократно повторялось. Газета выступала и против крестьян, деливших помещичьи земли.

Объектом нападок газет А.А. Суворина стали большевики, а с 24 июня на ее первой странице постоянно печатался призыв, набранный крупными буквами: «Ленин должен быть арестован!» От атак на большевиков «Маленькая газета» перешла к нападкам на Советы, в которых преобладали меньшевики и эсеры.

Одновременно с этим «Маленькая газета» начала использовать все более популярный язык политического радикализма. С 20 мая газету украшал подзаголовок: «Газета беспартийных социалистов»¹¹. А.А. Суворин утверждал:

Наш идеал — трудящийся всечеловек. Первая ступень к нему — идеалы пролетариата, освобождение труда¹².

Раздел «К рабочему читателю», который до революции велся от случая к случаю, стал постоянным.

После Февраля правые и консервативные издания либо прекратили существование, либо теряли популярность. Увеличилось число либеральных изданий, но они не пользовались спросом у простых читателей, предпочитавших газеты социалистов разного толка. В этих условиях популярная у городских низов газета А.А. Суворина стала все более котироваться в консервативных и правых кругах, ею заинтересовались предприниматели, у издания появились новые источники финансовой поддержки. В газете стали публиковаться отчеты крупных банков, объявления партии конституционных демократов.

Временное правительство казалось А.А. Суворину слишком демократичным, редакция установила связь с Военной лигой, стремившейся к установлению диктатуры. 13 июня, в разгар Июньского кризиса, газета призывала «людей русских» выйти на следующий день на демонстрацию. Газета писала:

---

¹¹ В июне 1917 г. орган левых социал-демократов «межрайонцев» отмечал: «...желтая уличная пресса называет себя беспартийно-социалистической» (Вперед. – 1917. – № 1). Имеется в виду «Маленькая газета».

¹² Маленькая газета. – 1917. – 15 июня.

Для победы нужна железная рука, которая держала бы оружие государства как грозный меч, а не как кухонную швабру. ...Пусть князь Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство Победы¹³.

Это не могло не беспокоить Временное правительство. В тот же день, 13 июня, в помещении редакции был произведен обыск. Официальный редактор издания П.С. Еремеев даже подвергся краткосрочному аресту, что вызвало протесты консервативной и либеральной прессы¹⁴. Это не могло не способствовать повышению известности и популярности газеты.

Лидеры социалистов призывали к бойкоту: в статье, опубликованной 17 июня в «Правде», В.И. Ленин упоминал «Маленькую газету» среди нескольких наиболее характерных представителей «подлой контрреволюционной печати» и требовал борьбы с «разнузданной, явно контрреволюционной» прессой. «Правда» призывала бойкотировать «буржуазную и в особенности черносотенную печать», «распространять бойкот на тех газетчиков, которые продавали подобные газеты, на тех рабочих и солдат, которые их читали»¹⁵.

В это же время «Маленькая газета» установила связи с военной контрразведкой Петроградского военного округа, начальник которой, Б. Никитин, вспоминал:

Среди немногочисленных секретных агентов у меня был очень умеренный анархист, состоявший сотрудником „Маленькой газеты“. Он оказывал нам безвозмездно и без всяких усилий очень полезные услуги, так как с одной стороны принадлежность его к партии, а с другой — карточка литератора — открывали ему немало закрытых дверей, совсем не привлекая подозрений¹⁶.

Очевидно, речь шла о Пяткине-Венском.

Возможно, что сотрудничество «Маленькой газеты» и офицеров контрразведки имело и иные формы. Во всяком случае, Б. Никитин пытался газету поддерживать и сочувствовал ее направлению. По его словам, к нему однажды обратился меньшевик М.И. Скобелев, ставший министром труда в коалиционном Временном правительстве: он просил, чтобы контрразведка закрыла «Маленькую газету». Это никак не соответствовало позиции Никитина, по мнению которого, А.А. Суворин «тонко и остроумно твердил о бездеятельности Времен-

---

¹³ Граждане, люди русские! // Маленькая газета. – 1917. – 13 июня.

¹⁴ Питерские рабочие и Великий Октябрь / Ответственный редактор О.Н. Знаменский. – Ленинград: Наука, 1987. – С. 212–213.

¹⁵ Ленин В.И. Как бороться с контрреволюцией // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 32. – Москва: Госполитиздат, 1962. – С. 349.

¹⁶ Никитин Б.В. Роковые годы (Новые показания участника) (Перепечатка с издания 1937 года, Париж). – Berson, Vermont: Chalidze Publications, 1987. – С. 167.

ного правительства», «облекал свою критику в форму юмористических рассказов». Б. Никитин вспоминал:

В них особенно доставалось богатому бакинскому молоканину-социалисту Скобелеву. ... Мы, близко наблюдавшие безнадежную анемию Верховной Власти, готовы были обеими руками подписаться под статьями Суворина, а иногда хохотали до слез над его меткими анекдотами. Сверх того, некоторые сотрудники этой газеты вызывали во мне самые горячие симпатии, т.к. совершенно безвозмездно помогали контрразведке¹⁷.

Б. Никитин отказался исполнить просьбу министра.

Мемуарист вряд ли верно описывал ситуацию, однако вопрос об издании А.А. Суворина наверняка обсуждался в правительственных кругах, ибо на власть оказывалось давление и со стороны левых. Так, 22 июня Исполнительный комитет районного Совета Петроградской стороны охарактеризовал публикации «Маленькой газеты» как «погромную агитацию» и призвал воинские и заводские комитеты бойкотировать газету, а также постановил ходатайствовать о ее закрытии перед Исполкомом городского Совета, направить запрос министру внутренних дел, призвать союз печатников воздерживаться от публикации газеты¹⁸. 6 июля общее собрание Союза рабочих печатного дела столицы предложило всем типографским рабочим отказаться от работы в «Маленькой газете» вплоть до отмены этого постановления¹⁹. В разгар Июльского кризиса, 7 июля соответствующее решение было принято и рабочими типографии «Маленькой газеты». Последний номер газеты вышел в этот день. Газета А.А. Суворина прекратила выходить из печати через два дня после того, как был выпущен последний номер «Правды», причем большевистская газета перестала издаваться в результате решения властей, а «Маленькая газета» была закрыта вследствие действий социалистов, контролировавших рабочие организации.

13 июля А.А. Суворин стал издавать «Народную газету»: состав сотрудников, редактор, расположение и форма подачи материала и политическая линия газеты — все было таким же, как и в «Маленькой газете». Однако уже 4 августа, после нескольких демаршей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, требовавшего принятия мер против правой прессы, министр внутренних дел эсер Н.Д. Авксентьев закрыл «Народную газету». А 23 августа, накануне «дела Корнилова», циркуляром военного и морского министра была за-

¹⁷ Никитин Б. Роковые годы: Новые показания участника. – С. 167.

¹⁸ Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июльская демонстрация / ответственный редактор Д.А. Чугаев. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. – С. 220.

¹⁹ Народная газета. – 1917. – 15 июля.

крыта сменившая ее газета «Русь», наряду с большевистским «Пролетарием». Очередная газета А.А. Суворина – «Новая Русь», выходящая с 27 августа, была закрыта приказом петроградского генерал-губернатора, одновременно с закрытием большевистского «Рабочего». «Новая Русь» вновь стала выходить с 13 сентября (большевики вернулись к выпуску «Рабочего пути» уже 3 сентября), а прекратила свое существование лишь после прихода к власти большевиков. Временное правительство вновь распорядилось закрыть «Новую Русь» 24 октября – наряду с большевистскими газетами. Последний номер «Новой Руси» вышел, по-видимому, уже после захвата власти Советом народных комиссаров, 28 октября²⁰.

Популярный министр и его критики

После падения монархии популярность А.Ф. Керенского, министра юстиции, «министра народной правды» оформлялась с помощью образов «борца за свободу», «министра-демократа», «народного министра», «первого гражданина».

Фото А.Ф. Керенского в кресле

---

²⁰ Периодическая печать в России в 1917 году: Библиографический указатель / составитель Т.С. Григорьянц и др. Часть II: Н – Я. – Ленинград: Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1987. – С. 9, 36, 112. В Российской национальной библиотеке хранится довольно полный комплект газет А.А. Суворина за 1917 год, однако последние номера в этом книгохранилище отсутствуют. Номера, выпущенные после 21 октября, при подготовке этого исследования изучить не удалось, они отсутствуют и в коллекциях Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки.

«Маленькая газета» критически оценивала состав Временного правительства, делая для Керенского исключение. Хотя через несколько месяцев министра стали критиковать как человека, подменяющего дела словами (и издания А.А. Суворина немало сделали для создания такой репутации), но в марте «Маленькая газета» прославляла его именно как человека дела:

Он был маловыдающийся депутат по своим речам: в них мало было красочных слов и образов. Но зато он всегда был на месте в пылу горячего боя... Натура, видимо, ярко активная, хотя и не столь «словесная»! <...>

Его первые шаги — смелы и энергичны. Пусть так он и идет и сразу вонзает новое в замусоренную землю, веря, что земля Руси давно ждет это новое — давно старое для ее разума и души — и страстно она желает его и жадно схватит вонзаемое острие и обрастит его крепкими корнями²¹.

Зарисовку деятельности энергичного министра, работающего и днем, и ночью, дал и корреспондент газеты А.А. Суворина, взявший интервью у популярного министра²².

В мае Керенский возглавил военное и морское министерства и стал готовить наступление на фронте, а для стабилизации положения в вооруженных силах принял «Декларацию прав солдата», ограничивающую права войсковых комитетов, хотя и не отменяя их полностью. Сторонники наступления стремились укрепить авторитет министра, «вождя революционной армии», олицетворяющего наступление. «Маленькая газета» приветствовала новое назначение популярного политика:

Керенский взял на себя новую тяжесть. ... Желаем ему силы и Цезарева счастья — на этот суворовский переход русской истории!²³

Подобно другим изданиям газета А.А. Суворина перепечатывала и резолюции авторитетных войсковых организаций, поддерживавших Керенского²⁴.

До мая 1917 г. оппоненты Керенского — и слева, и справа — воздерживались от атак на популярного политика. С мая открыто критиковать министра начали противники наступления, прежде всего большевики. Эта пропаганда находила отклик у части военнослужащих, непопулярные меры сравнивались с деятельностью «старого режима», министра сопоставляли со свергнутым императором.

Люди либеральных, консервативных и правых взглядов в своих частных беседах осуждали некоторые действия министра, прежде всего «Декларацию прав солдата», что нашло отражение в письмах и дневниках, однако подобные суж-

²¹ Как находятся люди? // Маленькая газета. — 1917. — 7 марта.

²² Суганов М. Ко встрече с Керенским // Маленькая газета. — 1917. — 2 апреля.

²³ Маленькая газета. — 1917. — 3 мая.

²⁴ Там же.

дения редко находили отражение в печати, напротив, сторонники наступления считали нужным публично поддерживать «вдохновителя» этой операции.

Военный министр оказался в центре политических баталий, сторонники наступления прославляли «революционного вождя», «любимого вождя народа», уникального вождя-спасителя. В это время были найдены образы и риторические приемы, которые впоследствии будут использованы при конструировании культов вождей Гражданской войны.

Июньское наступление закончилось провалом, но военное поражение для Керенского обернулось политическим успехом: виновниками неудач на фронте объявлялись большевики, неудачно штурмовавшие власть в июле. Авторитет министра, направившего в столицу боевые части с фронта, только возрос в этой ситуации. Укрепилась и его власть: Керенский возглавил Временное правительство, сохранив и портфели военного и морского министра. Большевики заговорили о «диктатуре Керенского». Соответствующие резолюции проводились и на митингах и собраниях.

Между тем не только правая и консервативная, но и либеральная пресса от критики большевиков перешла к критике умеренных социалистов и Советов, особенно острыми были нападки на войсковые комитеты и на лидера социалистов-революционеров В.М. Чернова. При этом и Керенский все более открыто критиковался за недостаточно энергичное восстановление полновластия Временного правительства, несмотря на то, что возможности его были объективно ограничены: Советы и комитеты обладали немалой властью, а умеренные социалисты – значительной поддержкой населения. Главной же политической опорой Керенского были Войсковые комитеты, в которых преобладали правые социалисты-оборонцы.

Главу Временного правительства все чаще именовали «болтуном» и «говорителем», политиком, подменяющим реальные дела словами²⁵. Уже к началу августа Керенского стали именовать «главноуговаривающим»: «Из анекдотов – Керенского называют главноуговаривающим», – записал 1 августа в своем дневнике генерал, находившийся в действующей армии²⁶.

Появились слухи об аморальном поведении главы правительства. Этому способствовало и переселение Керенского в Зимний дворец. Первое заседание правительства во дворце состоялось 8 июля, в Малахитовом зале. Рядом обосновалось Управление делами правительства, машинописное бюро и другие службы. Керенский занял бывшие покои Александра III на третьем этаже, кан-

---

²⁵ *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника / публикация С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 20. – Москва; Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1996. – С. 479.

²⁶ *Сиверс А.М.* Дневник. 1916–1919 / составитель А.Б. Гуларян. – Москва: Кучково поле, 2019. – С. 258.

целярия премьера располагалась в комнатах Александра II. В императорской библиотеке Керенский принимал доклады и проводил совещания²⁷.

Монархистов оскорбляло бесцеремонное использование дворцовой обстановки, республиканцев коробил монархический антураж происходящего, а ценителей старины беспокоила судьба дворца. Некий чиновник записал в своем дневнике:

Когда Керенский уезжает из Петрограда, на Зимнем дворце спускается заменивший Императорский Штандарт красный флаг. Это факт, а не анекдот. Какой мерзавец Керенский. Неужели он избегнет виселицы или самосуда?²⁸

Уже 23 июля американский дипломат приводил в своем дневнике слухи о том, что Керенский спит в постели Александра II. А 26 июля офицер французской военной миссии упоминал иное царское ложе: «Строит из себя владыку в Зимнем дворце, требует тщательной охраны, спит в комнате Александра III». И высокопоставленный британский офицер писал, что министр спит в кровати Александра III, а ведет себя как «Александр IV»²⁹. «Александром Четвертым» Керенского называли не раз, пребывание во дворце этому способствовало.

Об этом говорили и на улицах. Французский офицер писал в конце августа:

Керенский стал непопулярен из-за своего бессилия восстановить порядок и более того – потому что он квартирует в Зимнем дворце, говорят, в комнате Александра III. “Как подумаю, что он пишет пером царя Александра...”, – сказала женщина, стоящая в очереди у попечительского магазина. Она чуть не плакала. Бульварные газетчики злобно нападают на него³⁰.

Другие слухи помещали Керенского в будуар императрицы. Княгиня Л.Л. Васильчикова 27 июля писала князю Б.Л. Вяземскому: «Живет Душка в комнатах She (Ее – Б. К.), спит в кровати She, и видимо наслаждается»³¹. И впо-

---

²⁷ Соломаха Е. Ю. Эрмитаж и Зимний дворец в 1917 г. // Эрмитаж. От Февраля к Октябрю. 1917. Архивные документы / составитель Е.Ю. Соломаха. – Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. – С. 34–35.

²⁸ Глазами петроградского чиновника / публикация Е. Нильсена и Б. Вайля // Нева. – 1990. – № 8. – С. 193.

²⁹ *Wright Butler J. Witness to Revolution: The Russian Revolutionary Diary and Letters of J. Butler Wright / edited by W.Th. Allison. – Westport (Conn.); London: Praeger, 2002. – P. 107–108; Паскаль П. Русский дневник. Во французской военной миссии, 1916–1918 / под редакцией Е.С. Зашихина, перевод с французского Бабинцева В.А. – Екатеринбург: Гонзо, 2014. – С. 336; Knox A.W.F. With the Russian Army: 1914–1917: 2 vols., vol. 2. – London: Hutchinson, 1921. – P. 672.*

³⁰ Паскаль П. Русский дневник. – С. 371.

³¹ Письмо княгини Л.Л. Васильчиковой князю Б.Л. Вяземскому от 27 июля 1917 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1623. – Оп. 1. – Д. 613. – Л. 43.

следствии слухи о том, что глава Временного правительства лежит на кровати императрицы, играли немалую роль в феминизации Керенского, которая была важным аспектом его делегитимации.

Слухи приписывали Керенскому разнообразные любовные романы. В дипломатических кругах в Париже говорили о том, что министр «приблизил» к себе «балерину», а аналитик английского военного министерства сообщал: «Власть вскружила Керенскому голову, он развелся с женой, взял себе балерину и спит в постели императрицы»³². В Петрограде поговаривали, что Керенский собирается жениться на дочери бывшего царя, великой княжне Татьяне Николаевне. Информация о распространении этих невероятных сплетен проникла на страницы печати³³.

Керенский в это время действительно ушел из семьи, во дворце он жил со своей возлюбленной, Еленой (Лилей) Всеволодовной Бирюковой (урожденной Барановской), двоюродной сестрой своей жены, Ольги Львовны (урожденной Барановской). Этот роман, неизвестный широкой публике, не был тайной для знакомых Керенского³⁴.

Тема развратности министра дополнялась слухами об употреблении им алкоголя и наркотиков. Уже к началу июня слухи об использовании им морфия достигли Одессы³⁵. Другие же полагали, что глава правительства стал кокаинистом³⁶.

Либералы, консерваторы и правые противопоставляли Керенскому генерала Л.Г. Корнилова, назначенного в июле верховным главнокомандующим. Ставка стала альтернативным центром власти, там рождались планы ликвидации войсковых комитетов, милитаризации тыла и нейтрализации влияния социалистов.

«Душкой» Керенского называли, сравнивая его с театральной знаменитостью, объектом обожания многочисленных поклонниц.

³² *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже: 1914–1919 / перевод с английского и примечания Е.С. Берловича. – Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1927. – С. 160; *Колоницкий Б.И.* Британские миссии и А.Ф. Керенский (март–октябрь 1917 года) // Россия в XIX–XX вв.: Сборник статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина / под редакцией А.А. Фурсенко. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1998. – С.67–76.

³³ Ключ у В.Н. Львова // Живое слово. – 1917. – 5 октября.

³⁴ *Гиппиус З.Н.* Синяя книга: Петербургский дневник, 1914–1918. – Белград: Типография Раденковича, 1929. – С.161; *Гиппиус З.Н.* Современная запись // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 481. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 188. Об этом романе Керенского см.: *Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution.* – P. 105–107, 244, 266–267.

³⁵ *Лакуер Е.И.* Отрывки из дневника – 1917–1918 // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / составитель О.Р. Демидова. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 142–143.

³⁶ *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника. – С. 494.

Это вызывало противодействие Советов, войсковых комитетов, профсоюзов и лидеров умеренных социалистов, они обличали Корнилова, а порой и критиковали Керенского за недостаточное противодействие «контрреволюции».

Карикатура «Позднее разочарование» // Бич. – 1917. – Сентябрь.

Различные силы пытались обеспечить политический союз Корнилова и Керенского, чтобы ограничить влияние Советов и комитетов. Между главой Временного правительства и главнокомандующим было заключено тайное соглашение, предусматривающее переброску к Петрограду надежного армейского корпуса. Это соглашение не могло быть прочным: участники сделки небезосновательно подозревали друг друга в ведении собственной политической игры. Керенский обдумывал смещение Корнилова, а окружение верховного главнокомандующего ненавидело Керенского и планировало создание правительства Корнилова. Взаимные интриги Керенского и Корнилова, в которых участвовали и их сотрудники, привели к открытому противостоянию: Керенский потребовал от Корнилова сдать должность, генерал же отказался это сделать и открыто выступил против Временного правительства. Через несколько дней Корнилов и его сторонники были арестованы. Некоторые современники описывали «дело Корнилова» как гражданскую войну.

Керенский как предатель

Казалось, что Керенский одержал политическую победу, однако эта победа была для него Пирровой. В подавлении выступления Корнилова большую роль сыграли революционные комитеты, созданные Советами, эти чрезвычайные органы власти действовали и после ликвидации «дела Корнилова». Усилилась дезорганизация вооруженных сил, кризис власти проявлялся и в росте преступности, представлявшем угрозу общественной безопасности, и в усугублявшейся дезорганизации снабжения. На этом фоне росло влияние большевиков и их союзников – анархистов, интернационалистов. Усиливались этнические конфликты и сепаратистские настроения в разных частях страны.

Керенский стремился воссоздать Временное правительство, включавшее и умеренных социалистов, и кадетов. Между тем критике подвергался не только партийный состав нового правительства, но и стиль руководства: многие важные решения принимались лично Керенским. Даже умеренные социалисты обличали его «единоличный режим», а большевики осуждали «режим полной безответственности и единоличной диктатуры»³⁷.

Обстановку тех дней описал бывший адъютант командующего столичным военным округом полковника Г.П. Полковникова. Приглашенный в кабинет своего начальника, он стал свидетелем того, как командующий горячо убеждал в чем-то нескольких немолодых уже штатских посетителей. При прощании с одной, с веселыми глазами господин произнес: «Жаль, очень жаль. У меня как раз хлесткая статеечка для Александра Федоровича приготовлена. Что-то он очень зазнался, на царских перинах нежась». (Этим человеком был А.А. Суворин.) Полковник весело ответил: «Ну, потерпите, немного, Алексей Алексеевич, а

³⁷ Дело народа. – 1917. – 3 сентября.

там снова нажимайте. Дайте человеку отдышаться». Оказалось, что командующий округом специально встречался с редакторами правых и умеренных газет по просьбе властей:

“Там, – он махнул в сторону Зимнего дворца, – перетрусили перед открытием Демократического совещания и просили меня хоть на пару дней заткнуть глотки “Живому слову” и “Новой Руси”. Особенно – слышали, – Суворин упрямылся, но мы его уговорили”. “Слава Богу, уломал чертей, Керенский будет рад”, – с удовлетворением отмечал полковник³⁸.

Свидетельство мемуариста примечательно в нескольких отношениях. Пропаганде правых, прежде всего «Новой Руси», во Временном правительстве уделяли особое внимание, а военные имели возможности для воздействия на эти органы прессы. Можно предположить, что эти возможности не всегда использовались.

Керенскому с трудом удалось создать 25 сентября новое Временное правительство, включавшее умеренных социалистов и либералов, однако, на этот раз партийные лидеры не вошли в этот кабинет. Люди разных взглядов все чаще говорили о режиме «личной власти» Керенского, в таких условиях именно авторитет политика становился важнейшим властным ресурсом.

Между тем авторитет главы правительства подвергался все новым испытаниям, особенно это было ощутимо на кораблях Балтийского флота. «Что такое Керенский?! Кто его еще признает у нас?!» – писал уже 11 сентября в своем дневнике хорошо информированный офицер штаба флота³⁹. В дальнейшем отношения главы правительства с выборными органами флота, резолюции которых обличали «предателя» и «клеветника», только ухудшились⁴⁰. Такие настроения проявлялись не только среди моряков Балтики: 30 сентября генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта В.Л. Барановский доносил, что коми-

---

³⁸ Бирк И.Л. В дни агонии и падения Временного правительства (Воспоминания адъютанта командующего войсками Петроградского военного округа, август–октябрь 1917 года) // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. – 1939. – № 162–163. – С. 24. Благодарю К.А. Тарасова, который познакомил меня с этим источником.

³⁹ Балтийский флот накануне Октября (Из дневника И.И. Ренгартена) // Красный архив. – 1929. – Т. 4 (35). – С. 26.

⁴⁰ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: сборник / составители Н.Д. Болдырева, Т.С. Дмитренко и А.А. Муравьев; под редакцией Р.Н. Мордвинова. – Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1957. – С. 231–233; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции: сборник / под редакцией С.П. Князева, А.П. Константинова. – Ленинград: Лениздат, 1956. – С. 79–81.

тет 95-го полка 24-й дивизии подверг критике последний приказ верховного главнокомандующего и именовал Керенского «изменником»⁴¹.

Это было не первое обвинение политика в измене и предательстве. Уже подготовка Июньского наступления сопровождалась пропагандистскими батальями, при этом Керенский, олицетворявший наступление, именовался большевиками и другими противниками этой военной операции предателем, в критике министра проявлялось не только антивоенное, но и антибуржуазное, «антибуржуйское» сознание. Офицер французской военной миссии фиксировал разговоры о том, что Керенский «продался буржуазии», а некоторые солдаты именовали его «изменником»⁴².

Тема «измены» Керенского приобрела новое звучание в связи с «делом Корнилова»: сторонники генерала обвиняли главу правительства в том, что он предал главнокомандующего, а противники Корнилова обвиняли Керенского в том, что он покровительствовал мятежному генералу и вступил с ним в сговор. Разные версии заговора способствовали распространению конспирологических построений, в которых Керенский становился ключевой фигурой. Автор обзора печати, составлявшегося для правительственных ведомств, в середине сентября озаглавил один из разделов бюллетеня: «Против Керенского». Он писал: «Большевистский “Рабочий путь” и черносотенная “Новая Русь” объявили поход против Керенского». При этом «Рабочий путь» отмечал, что между Керенским и Корниловым почти нет разницы, а «Новая Русь» видела в Керенском олицетворение персональной власти (что фактически не отличалось от оценок левой прессы)⁴³.

Вряд ли было вполне точно именовать газету А.А. Суворина «черносотенной» (напомним, что так ее характеризовал и Ленин), но в то время нередко и любое проявление антисемитизма, и призывы к «погромам» – в разных значениях этого слова – характеризовались как проявление «черносотенства». Подобные обвинения адресовались и большевистской печати: так, газета «День», являвшаяся по сути органом правых меньшевиков-оборонцев, требовала от правительства принятия мер против «погромной печати», прежде всего против большевистского «Рабочего пути» и «Новой Руси»⁴⁴.

---

⁴¹ Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис / Д.А. Чугаев (ответственный редактор) [и др.]. – Москва: Академия наук СССР, 1961. – С. 462.

⁴² Паскаль П. Русский дневник. – С. 289; Солдатские письма 1917 года / подготовка к печати О.Н. Чаадаевой. – Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1927. – С. 95–96.

⁴³ Обзор печати № 160 за 17 сентября // ОР РНБ. – Ф. 152. – Оп. 4. – Д. 202. – Л. 18, 19. (Обзоры печати. Машинописные копии).

⁴⁴ Обзор печати № 184 за 15 октября // ОР РНБ. – Ф. 152. – Оп. 4. – Д. 203. – Л. 88. (Обзоры печати. Машинописные копии).

Большевики называли Керенского «корниловцем» и заявляли, что глава Временного правительства готовит «новую корниловщину». В конце сентября Ленин писал: «Керенский — *корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами»⁴⁵.

В авангарде пропагандистских атак на Временное правительство и его главу была газета А.А. Суворина, которая продолжала приобретать новых читателей. Генерал В.Г. Глазов 1 октября записал в своем дневнике:

По моей просьбе швейцар Яков купил мне сегодня «Новую Русь». Хлестко по части Керенского. Весь день читал⁴⁶.

Ленин в письме «Большевики должны взять власть», написанном 12–14 сентября, побуждал своих соратников к подготовке вооруженного восстания, утверждая, что Керенский готовит сдачу революционной столицы врагам⁴⁷. И планы Временного правительства эвакуировать Петроград, и слухи об этих планах придавали им правдоподобность. Распространению конспирологических настроений способствовала и ситуация на фронте. Германские вооруженные силы к 6 (19) октября захватили Моонзундский архипелаг. Казалось, что это позволит немецкому флоту действовать в Финском заливе, а это создавало опасность для Петрограда.

Не только большевистские издания подозревали правительство в стремлении бежать из столицы. Автор обзора печати, составленного для правительственных ведомств, отмечал: «Новая Русь» подобно большевистской печати возражает против отъезда правительства из Петрограда»⁴⁸.

Панические слухи об «измене» Керенского попадали и в британское министерство иностранных дел. К ним в Лондоне отнеслись серьезно, постоянный заместитель министра даже запрашивал английского посла в России о том, финансируется ли Керенский Германией. Посол опроверг эти невероятные слухи, но распространение их на таком уровне весьма показательно⁴⁹. Они отражали убеждения русских информантов иностранных дипломатов, люди разных взглядов рассуждали о «предательстве» Керенского.

---

⁴⁵ Ленин В.И. О героях подлога и об ошибках большевиков // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 34. – Москва: Госполитиздат, 1962. – С. 250.

⁴⁶ Глазов В.Г., генерал. Дневник, 1915–1918 // РГИА. – Ф. 922. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 235.

⁴⁷ Ленин В.И. Большевики должны взять власть // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 34. – С. 241.

⁴⁸ ОР РНБ. – Ф. 152. – Оп. 4. – Д. 203. – Л. 51.

⁴⁹ Saul N.E. Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917. – Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. – P. 174.

Известную роль в делегитимации главы Временного правительства сыграли и слухи о еврейском происхождении Керенского. Иногда антивоенные и антибуржуазные настроения могли переплетаться с антисемитизмом⁵⁰.

Инициативу публичного развития темы о еврейском происхождении главы правительства взяла на себя черносотенная петроградская газета «Гроза», пережившая падение монархии. После Июльского кризиса «Гроза» усилила критику министра-председателя: «адвокат Керенский» де желает угодить «французам, англичанам и евреям». Читателю давали понять, что Керенский не только служит антинациональным силам, но, возможно, и сам принадлежит к ним: «... какой-то мальчишка ... бритый адвокат, с лица похожий на жида»⁵¹.

После выступления Корнилова «Гроза» еще более определенно стала упоминать предполагаемую национальность Керенского, в середине сентября газета писала: «Солдаты допустили объявить еврея-адвоката верховным главнокомандующим над русским православным воинством». Через две недели эта характеристика стала более уничижительной: «велеречивый еврейчик адвокат Керенский»⁵². Неделю спустя «Гроза» писала о «жиде Куливере», ставшем во главе государства (утверждалось, что некая Куливер, овдовев, вышла замуж за учителя Керенского, который усыновил и крестил пасынка, получившего фамилию отчима)⁵³.

В это время и антисемитизм «Новой Руси» стал проявляться все более откровенно. Из 648 читателей газеты, ответивших на предложенную редакцией анкету «Как спасти погибающую Русь», 48 человек требовали устранения «еврейского засилья». В этом издании появляются и намеки относительно антинародной политики Керенского и его «инородного» происхождения. Революцию А.А. Суворин именовал Второй Смутой, а Керенского – новым Лжедмитрием. Выделялось даже сходство главы правительства с его «предшественником»:

...лицо Керенского очень напоминает портреты Первого самозванца: крупные, хмурые черты, говорящие о примеси какой-то южной крови, волосы ежиком, только нет двух бородавок под левым глазом, как были у Первого лже-Дмитрия⁵⁴.

Можно предположить, что замечание относительно «примеси южной крови» предполагало антисемитское прочтение.

---

⁵⁰ Колоницкий Б.И. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и «еврей» // *Jews and Slavs* / ed. W. Moskovich. – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2006. – Vol. 17: The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia. – P. 241–253.

⁵¹ Гроза. – 1917. – 9 июля.

⁵² Гроза. – 1917. – 17 сентября, 1 октября.

⁵³ Гроза. – 1917. – 8 октября, 5 ноября.

⁵⁴ Новая Русь. – 1917. – 7 октября.

Некий Иван Иванов написал в «Новую Русь» письмо, обличавшее «бутафорскую власть» Керенского, именовал его «накипью момента времени» и «не-нужным продуктом», заявляя:

Я русский человек не только по фамилии, но и по духу, и желал бы видеть у кормила власти человека исключительно русского и отвечающего данному моменту и умом, и сердцем⁵⁵.

В том же номере газеты был опубликован фрагмент письма некой дамы:

Без удаления Керенского и всех советов с Нахамкесами, Апфельбаумами, Бронштейнами, Ганами, Данами, Гоцами, Розенфельдами и разными “блюмами” – Россию спасти, очевидно, нельзя⁵⁶.

Ксенофобия «Новой Руси» отличалась от юдофобии «Грозы», но в обоих случаях атаки на Керенского имели антисемитскую окраску.

Даже на респектабельных собраниях звучала эта тема. На совещании общественных деятелей в Москве 12 октября казак Орлов заявил, что

виной разложения России – немецкие агенты и евреи. Во главе германского шпионажа стоят евреи, а во главе евреев – чистокровный или полукровный еврей Керенский⁵⁷.

Этот эпизод мог служить «доказательством» еврейского происхождения Керенского. Неудивительно, что информация об этом была опубликована и в «Новой Руси».

Хотя антисемитизм чаще отражал настроения противников социалистов, но рядовые их сторонники порой высказывали такие взгляды. Так, противники большевиков фиксировали проявления «уличного антисемитизма» со стороны рабочих и красногвардейцев, к тому же некоторые представители «низов» столицы были поклонниками и большевистских газет, и правых изданий, критиковавших главу правительства. В начале октября 1917 года набор распространенных домыслов о быте главы Временного правительства – далеко не полный – привел в своем дневнике петроградский историк:

Про Керенского распускают самые дикие слухи. И еврей-то перекрещённый он, и пьянствует в Зимнем Дворце, валяясь на кровати Александра III (хотя Александр III

---

⁵⁵ Новая Русь. – 1917. – 10 октября.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Новая Русь. – 1917. – 14 октября; Борьба: Орган Екатеринославской организации РСДРП. – 1917. – 17 октября; *Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917–1920). – Москва: Воениздат, 1997. – С. 93.

и не жил в этом дворце), и развелся со своей женой, женись на артистке Тиме, и свадьба их была в дворцовой церкви, причем над ними держали те самые венцы, которые употреблялись при царском венчании. И эти дикости повторяют всюду и даже интеллигенты. Сегодня я слышал эти мерзости еще от людей очень правого оттенка, а на улице, от заведомого большевика-рабочего слышал такую оброненную им фразу: “Это только жиду Керенскому под стать так трусить”⁵⁸.

Образ незаконного обитателя дворца, самозванца, имитирующего монарха, был особенно важен для дискредитации Керенского, его активно использовали и левые, и правые критики главы Временного правительства.

Уже в мае начались разговоры об «актерстве» Керенского, что отражало разочарование в эйфорическом, театральном политическом стиле начального этапа революции, люди разных взглядов пресытились словами и требовали от государственных деятелей деятельности. Распространенное настроение выразил поэт К. Бальмонт, напечатавший стихотворение «Говоритель», которое было перепечатано разными изданиями, в том числе и «Новой Русью»⁵⁹. Образ актера – «оперного тенорка», «фигляра», «канатного плясуна», «жонглера» – феминизировался, и Керенского порой именовали не «актером», а «актрисой». Этот образ появился на страницах левой прессы уже в мае, но ее подозрительно обстоятельно цитировали, критикуя, и консервативные издания⁶⁰. При этом большевики открыто писали о Керенском то, о чем люди консервативных взглядов говорили до поры до времени только в своем кругу.

Накануне прихода большевиков к власти некоторые издания, поддерживавшие главу Временного правительства, отмечали частичное совпадение пропаганды левых и правых изданий. Газета правых социалистов-революционеров писала 20 октября:

Одни зовут к погромам во имя лозунга “Вся власть Советам”, другие во имя лозунга “Вся власть Корнилову!” И те, и другие травят Керенского⁶¹.

Среди изданий, травивших министра-председателя, в статье упоминались прежде всего «Новая Русь» и большевистский «Рабочий путь». Вряд ли утверждение о том, что упомянутые газеты призывали к «погромам», было точно, но они способствовали созданию атмосферы, благоприятной для организованных и спонтанных акций насилия. И большевики, и «Новая Русь» (наряду с другими

---

⁵⁸ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое. – 1991. – № 2. – С. 170–171.

⁵⁹ Новая Русь. – 1917. – 21 октября.

⁶⁰ Невский В. Бессилие власти // Солдатская правда. – 1917. – 3 мая.

⁶¹ Воля народа. – 1917. – 20 октября.

правыми изданиями) с равной энергией, хотя и по разным причинам, атаковали лично Керенского и использовали схожие аргументы.

Некоторые издания в связи с этим даже писали о «разложении большевизма» (именно так был озаглавлен один из разделов обзора печати, подготовленного для правительственных ведомств). Главная газета партии эсеров писала:

В рабочих кварталах спрос на большевистский «Рабочий путь» с каждым днем падает, спрос на черносотенную «Новую Русь» – повышается...⁶².

Вряд ли эта оценка полностью соответствовала действительности, в это время авторы газеты А.А. Суворина отмечали утерю связи со своей традиционной аудиторией, старые читатели обвиняли издание в измене своим идеалам. Популярного Евгения Венского они именовали «рenegатом» и «предателем», причем, по признанию редакции, осенью подобных писем были «сотни»⁶³. Некий «Сережа, черт отчаянный», считавший, что газета «изменила рабочему классу», угрожал даже физической расправой авторам⁶⁴. Но на окраинах Петрограда читали нередко одновременно и большевистскую прессу, и газету А.А. Суворина. Можно предположить, что это было связано и с той критикой Керенского, которую вели в это время и левые, и правые.

Атаку большевиков на Временное правительство в октябре 1917 года поддерживало лишь меньшинство жителей России (хотя в столицах и промышленных центрах партия пользовалась немалым влиянием), но мало кто готов был защищать Керенского. Об этом современники, не сговариваясь друг с другом, писали в своих дневниках⁶⁵.

Некоторые же люди консервативных и правых взглядов даже полагали, что большевики, сделавшие «грязную работу» по свержению Временного правительства, долго у власти не продержатся, а на смену им придет твердая власть,

---

⁶² Обзор печати № 179 (за 10 октября) // ОР РНБ. – Ф. 152. – Оп. 4. – Д. 203. – Л. 27 (Обзоры печати. Машинописные копии); Петроград, 10 (23) октября. Большевизм и настроение масс // Дело народа. – 1917. – 10 октября.

⁶³ Новая Русь. – 1917. – 10 октября. О критике издания читателями сообщалось и ранее, см. Маленькая газета. – 1917. – 2 июня.

⁶⁴ Новая Русь. – 1917. – 17 октября.

⁶⁵ *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника. – С. 490; Записи разных лиц по вопросам религии, конспекты книг, отрывки лекций и прочее // ОР РНБ. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 1606. – Л. 32–33 (А.В. и Е.Н. Половцовы); Октябрьская революция и Балтийский флот (Из дневника И.И. Ренгартена) // Красный архив. – 1927. – Т. 6 (25). – С. 51; *Будберг А.* Дневник барона Алексея Будберга, 1917 год // Архив русской революции. – Берлин: Слово, 1923. – Т. XII. – С. 234; *Готье Ю.В.* Мои заметки. – Москва: Терра, 1997. – С. 46.

диктатура. Убежденность в том, что серьезные успехи большевиков невозможны, выражала и «Новая Русь», эту оценку фиксировали обозреватели⁶⁶.

Заключение

Негативные образы Керенского, появившиеся первоначально в письмах и личных дневниках, фиксируя разговоры современников, затем проникали в газеты. Отрицательные характеристики министра, начиная с мая, стали публично артикулировать его левые оппоненты, прежде всего большевики. В период подготовки Июньского наступления критики военного и морского министра из числа людей либеральных, консервативных и даже правых взглядов воздерживались от открытого выражения своей позиции, хотя в своем кругу осуждали некоторые его меры, прежде всего «Декларацию прав солдата», закрепившую создание войсковых комитетов в армии. Лишь после Июльского кризиса, когда Керенский возглавил Временное правительство, он был подвергнут открытой критике на страницах консервативной, правой, а затем и либеральной прессы. Эти пропагандистские акции переплетались с нападками на войсковые комитеты, Советы и на умеренных социалистов. Нередко роль инициатора этих пропагандистских кампаний брали на себя издания А.А. Суворина, что привлекало к ним общественное внимание.

Разные противостоящие друг другу политические силы использовали одни и те же тактики делегитимации Временного правительства, и прежде всего Керенского, представляя его несправедливым правителем. И левые, и правые противники министра-председателя говорили о его измене, о его аморальном поведении, употребляя порой одни и те же слова, что способствовало распространению и усиливало эффективность пропагандистских атак на власть осенью 1917 года.

В своих мемуарах сам Керенский не забыл упомянуть об этих одновременных и схожих пропагандистских атаках своих политических врагов «слева» и «справа». Он утверждал, что расчет правых заключался в том, что большевики не представляют большой угрозы, Ленин свергнет Керенского, олицетворяющего «партию беспорядка», а уже через несколько недель большевики сами будут свергнуты «партией порядка»⁶⁷. Изучение содержания «Новой Руси» свидетельствует о том, что издание А.А. Суворина огонь своей критики направляло именно на Керенского.

Выбор применявшихся основных тем критики Керенского может быть объяснен тем, что на нее влиял опыт делегитимации императорской власти в годы

---

⁶⁶ Обзор печати № 185 (за 17 октября) // ОР РНБ. – Ф. 152. – Оп. 4. – Д. 204. – Л. 1 (О выступлении большевиков. Обзоры печати. Машинописные копии).

⁶⁷ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. – Москва: Республика, 1993. – С. 301.

Первой мировой войны, в которой сочетались конспирология, ксенофобия, демаскулинизация главы правительства. При этом образы Керенского складывались под влиянием негативных образов Николая Второго, Распутина и... императрицы Александры Федоровны. Размещение Временного правительства в Зимнем дворце способствовало распространению таких слухов, при этом – подчеркнем вновь – схожую тактику делегитимации главы Временного правительства использовали разные политические силы, порой боровшиеся друг с другом, что придавало слухам особое значение. Важнейшим фактором обострения политической ситуации вновь стал конспирологический резонанс: одни теории заговоров провоцировали появление других.

Изучение «Новой Руси» и других правых изданий позволяет лучше понять культурно-политическую обстановку начального этапа гражданской войны. И будущие красные и будущие белые, в рядах которых оказался и А.А. Суворин с некоторыми своими сотрудниками, возобновившими это издание на Дону, строили тактику мобилизации своих сторонников, отрицая Керенского и «керенщину», власть «предателя» и «изменника».

Introduction

While considering the Russian Revolution of 1917, the majority of historians of different schools of thought mostly focus on its victors, the Bolsheviks. The Provisional Government has received much less attention. Meanwhile, the success of the Bolsheviks was determined not only by the successful political mobilization of their supporters. It was facilitated by the whole variety of social and ethnic conflicts, the split in the ranks of their opponents, political demobilization of the forces opposing them, and the decline in the authority of the Provisional Government, which was unable to ensure the state monopoly on violence. As a modern researcher points out, the Provisional Government had lost its power even before it was overthrown, and the Russian Civil War had inevitably been escalating since the Kornilov Rebellion.¹

Reconstruction of the process of the escalation of the Civil War and the loss of authority by the Provisional Government is a topical task of present-day historiography. It is necessary to study the cultural forms of legitimation / delegitimation of

---

¹ S.S. Smith, *Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928* (Oxford: Oxford University Press, 2017), 151, 154.

power. Particular attention should be paid to the transformation of personal authority of the head of the Provisional Government, Alexander Kerensky, including rhetorical (persuasive) devices and visual images which underlay the tactics of praising and condemning him.

This article employs a research approach that has already been used in the study of the “images” of Kerensky.² It consists in the following: frequently mentioned negative images of the politician are identified in various sources and then they are compared and studied in their development. Particular attention is paid to the successive Petrograd newspapers of Aleksey Alekseevich Suvorin: *Malen'kaya gazeta* [Little newspaper], *Narodnaya gazeta* [People's newspaper], *Rus'* [Rus], *Novaya Rus'* [New Rus]. These newspapers were important political actors of their time. They were closely followed by the contemporaries; their readership was constantly growing; they were often mentioned in departmental press reviews and in newspaper controversy.³

Recently, the newspapers of A. Suvorin have attracted the attention of researchers. M. Steinberg, who studied St Petersburg culture at the beginning of the 20th century, and Ts. Hasegawa, who researched crime in Petrograd, used *Malen'kaya gazeta* as a source.⁴

The present article comments upon the publications in the newspapers of A. Suvorin, compares them with other sources, and reveals the general trends and conflicts which accompanied the processes of legitimation and delegitimation of A. Kerensky.

---

² B.I. Kolonitskii, ‘Comrade Kerensky’: *The Anti-monarchist Revolution and the Formation of the Cult of the ‘Leader of the People’ (March–June 1917)* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017). About Kerensky, see V.I. Startsev, *Collapse of the Kerensky Regime* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1982); R. Abraham, *Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution* (London: Sidgwick & Jackson, 1987); G.L. Sobolev, comp., *Alexander Kerensky: Love and Hate of the Revolution: Diaries, Articles, Essays and Memoirs of Contemporaries* [in Russian] (Cheboksary: Chuvashskii universitet, 1993); G.Z. Ioffe, *Seventeenth Year: Lenin, Kerensky, Kornilov* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1995); V.P. Fedyuk, *Kerensky* [in Russian] (Moscow: Molodaya gvardiya, 2009); S.V. Tyutyukin, *Alexander Kerensky: Pages of a Political Biography* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2012); A.B. Nikolaev, comp., *A.F. Kerensky: pro et contra: personality and activities of A.F. Kerensky in the Assessment of his Contemporaries: an Anthology* [in Russian] (St Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2016).

³ For more about the newspapers, see B.I. Kolonitskii, “*Malen'kaya gazeta* and ‘Little Men’ of Petrograd in the Age of Revolution: The Periodicals of A.A. Suvorin in 1917” [in Russian], in *Personality, Society and Power in the History of Russia: Collection of Scientific Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor V.I. Shishkin*, ed. V.M. Rynkov and A.I. Savin (Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2018), 191–207.

⁴ M. Steinberg, *Petersburg Fin de Siècle* (New Haven; London: Yale University Press, 2011); Ts. Hasegawa, *Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd* (Cambridge, Mass.; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017).

Malen'kaya gazeta

In his memoirs, Nikolai Sukhanov paid special attention to this newspaper of A. Suvorin:

And at the same time a certain *Malen'kaya gazeta* appeared in St. Petersburg. It was published by the same Suvorins, under the necessary flag of “independent socialism.” The newspaper was being prepared with great talent. In appearance, it looked similar to *Père Duchesne*, an organ of the “common people.” It was compiled in the corresponding style and was designed to ensure that its formulas, statements, cries, headlines, and casual comments would hit precisely at the crux of the sore matters of an ignorant common man, and would be promptly imbibed by the masses of common people. But it was a truly wonderful example of folk buffoonery, in prose and in verse, a wonderful example of adaptation to common people’s tastes and needs. In its appearance, *Père Duchesne* can only be considered a faint shadow of *Malen'kaya gazeta*. From the inside, in terms of the contents, ideas, direction, as much as Hébert’s organ was unprincipled and loose, so consistent, reserved, and principled was the organ of the Suvorins. Under the guise of “populism,” extreme democracy and “independent socialism,” *Malen'kaya gazeta* followed a direct and firm course towards a counter-revolutionary coup and military-plutocratic dictatorship. And the newspaper sold hundreds of thousands of copies to “common people,” like hot cakes.⁵

This opinion is supported by other evidence. D. Zaslavskii, a well-known metropolitan journalist, recalled:

Malen'kaya gazeta was vulgar and illiterate, but it always throbbed with life, and its readers were attached to the newspaper. . . . Before the revolution, it managed to create a special genre of street newspaper, street meaning every, but not the worst sense of this word.⁶

Sukhanov mistakenly attributed the establishment of *Malen'kaya gazeta* to May 1917, although it was published since September 1914. The memoirist took notice of the newspaper only when it had acquired political significance, namely after the April Crisis.

Aleksey Alekseevich Suvorin (1862–1937) acted as publisher and actual editor of *Malen'kaya gazeta*. He was the son of Aleksey Sergeevich Suvorin (1834–1912), a well-known political writer and publisher who published the influential newspaper

---

⁵ N. Sukhanov, *Notes on the Revolution* [in Russian], bk. 4 (Berlin [et al.]: Z.I. Grzhebin, 1922–23), 220; N. Sukhanov, *Notes on the Revolution*, 3 vols. [in Russian], vol. 2, bk. 3–4 (Moscow: Politizdat, 1991), 256. *Le Père Duchesne* [Father Duchesne] was the title of a number of revolutionary publications in France. The most famous of them is *Le Père Duchesne* of Jacques Hébert (published between 1790 and 1794). Hébert’s literary mask (Sukhanov calls him Geber) was *Père Duchesne* [Father Duchesne], the folklore character who personified the masses of France. The language of these publications, intended for broader masses of readers, was close to the vulgar tongue and was distinguished by simplicity, vividness, and harshness.

⁶ D. Zaslavskii, “Press in the February Days” [in Russian], *Zhurnalist*, no. 2 (1927): 13.

Novoe vremya. Aleksey Alekseevich Suvorin began to work for that newspaper and was its executive editor for some time. In 1903, A. Suvorin left *Novoe vremya* and began to publish another newspaper, *Rus'*, which existed till 1908. In 1914, A. Suvorin established *Malen'kaya gazeta*. Sukhanov was also wrong when he described this newspaper as the Suvorins' family enterprise: the relationship between Alexey Alekseevich Suvorin and his brothers were not simple.

Another memoirist described A. Suvorin as follows:

It was hard to say what his political views really were. He undoubtedly hated the decaying autocratic system, but what was supposed to replace it, he hardly knew. A bit of liberalism, something from Slavophilism, something from the common men's "truth," the pan-Slavic tradition of Generals Fadeev and Chernyaev, instinctive patriotism, and vague touches of oriental wisdom – all this was intertwined in a piecemeal mess.⁷

In 1917, A. Suvorin was given even bitter appraisals. The editor of *Zhivoe slovo*, a competing, albeit politically close publication described him as an "old literary marauder":

... Lies, slander, blackmail with banks – these are main milestones of literary activity of A.A. Suvorin. When the newspaper of "non-partisan socialists," as it calls itself, attacks someone, you should know that it is not a matter of public issues, but of purely personal benefits of A.A. Suvorin himself. ... Years-long literary activity of A.A. Suvorin is imbued with the poison of misanthropy, slander, and malice.⁸

The same source also claimed that A. Suvorin "... was the ideological inspirer of the Jewish pogroms."

Alexey Alekseevich Suvorin employed gifted authors to write for *Malen'kaya gazeta*. Of them, two names should be pointed out: E. Pyatkin (Evgeny Vensky), a feuilletonist, poet and satirist, and V. Svetsitsky, an opinion journalist, well-known in theosophical circles.

Contemporary sources confirm the evidence of memoirists that the publications of A. Suvorin enjoyed popularity among the urban lower classes of Petrograd. Both the Mensheviks and the Bolsheviks agreed that his newspapers competed with the workers' press in the proletarian districts in the summer and fall of 1917.⁹

Malen'kaya gazeta targeted the common man and skillfully adapted to him. The list of some pseudonyms which were used to sign letters to the editor allow us to judge about social affiliation and cultural level of the newspaper's readership: Lonely Anyuta (*Odinokaya Anyuta*), Miserable Anna (*Neschastnaya Anna*), Disabled Wretch

⁷ A.R. Kugel', *Leaves from the Tree* [in Russian] (Leningrad: Vremya, 1926): 150.

⁸ A.M. Umanskii, "To a Newspaper Sharper" [in Russian], *Zhivoe slovo*, August 1, 1917.

⁹ *Izvestiya Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*, June 14, 1917; *Rabochaya gazeta*, September 30, 1917; *Rabochii put'*, October 13, 1917.

M. (*Goremyka-Invalid M.*), Miserable Mary (*Neschastnaya Mary*), Putilov worker Orphan 101 (*Putilovets Sirota 101*), Looser OOO (*Neudachnik OOO*), Hungry for consolation (*Zhazhduschchii utesheniya*), Serezha from the Obukhov Plant (*Obukhovskii Seryozha*), Craftswoman from Artemyeva (*Masteritsa ot Artem'evoi*), A woman from the queue (*Zhenschina iz ocheredi*). Even Social Democrats from the Putilov works and a member of the Red Guard wrote to the editor. Many letters may have been inspired or fabricated by the editorial board, but they give an idea of the “ideal” readership the newspaper targeted. It was intended for a “common man,” a “little man” who faces injustice, violence, and crime. A reader of such kind perceived the newspaper as a newspaper “for the people,” “a friend of a common man.”

One of the memoirists, well familiar with the world of the metropolitan press, wrote that the author of the newspaper

... managed to approach the “readers’ gallery” very well. . . and served little everyday interests of little people. He stung unscrupulous merchants and cruel small-business owners, consoled the girls abandoned by their lovers, cared for all little things of everyday life of low-middle and working class.¹⁰

By publishing lively feuilletons and reports denouncing the city authorities and the police, householders and merchants, the newspaper created the image of the advocate of a consumer, a tenant, an employee. Each issue began with a “motto,” the words by N. Nekrasov, “. . . to the door of those who pant without air, who die in despair – Oh, there be the first!” The authors of the newspaper considered themselves defenders of the insulted and humiliated.

The authors of *Malen'kaya gazeta* were very proud of the “vulgar tongue” of its publications, its “vividness” and “muzhik form.” In this respect, *raeshniki* [couplets for a raree show] by Evstafy Bogoyavlensky (pseudonym of E. Vensky) are typical. They were often deliberately rude and full of argot words: the author sought to become close to the residents of the outskirts. He “flirted” with them using his undue familiarity, positioning himself as someone who loves to drink and to fight.

After the overthrow of the monarchy, the newspaper of A. Suvorin took the rightist position on many issues. It demanded that the war should be continued in order to annex vast territories: “. . . for Russia, however, it [Constantinople – *B. K.*] is not enough. The whole Asia Minor should be its share and its reward!” said the editorial of the first issue of *Malen'kaya gazeta* published immediately after the revolution. This requirement was repeated several times. The newspaper also spoke against the peasants who divided the lands of the landowners.

The Bolsheviks also became fair game for the newspapers of A. Suvorin. From June 24, the first page constantly included an appeal printed in capital letters saying

¹⁰ D. Zaslavskii, “Press in the February Days,” 13.

“Lenin must be arrested!” After the attacks on the Bolsheviks, *Malen'kaya gazeta* turned to attacking the soviets, in which the Mensheviks and Socialist-Revolutionaries predominated.

At the same time, *Malen'kaya gazeta* began to use the increasingly popular language of political radicalism. From May 20, the newspaper was decorated with the subtitle “Newspaper of Non-Partisan Socialists.”¹¹ A. Suvorin claimed:

Our ideal is a working man. The first step to him is the ideals of the proletariat and liberation of labor.¹²

The section “To a Working Reader,” which appeared in the newspaper before the revolution only occasionally, became permanent.

After February, right-wing and conservative publications either ceased to exist or lost popularity. The number of liberal publications was growing, but they were not in demand by ordinary readers who preferred socialist newspapers of various kinds. Under these conditions, the newspaper of A. Suvorin, which was popular with the urban low classes, acquired a higher rating in conservative and right-wing circles, various entrepreneurs became interested in the newspaper and it received new sources of financial support. The newspaper began to publish reports of large banks and announcements of the Constitutional Democratic Party.

A. Suvorin considered the Provisional Government too democratic; the editors established contact with the Military League, which sought to establish dictatorship. On June 13, at the peak of the crisis in June, the newspaper urged “Russian people” to join the demonstration the following day. The newspaper wrote:

To win, we need an iron hand that would hold the weapon of the state like a formidable sword but not like a kitchen mop. . . . Let Prince Lvov give up his position of the chairman in the Cabinet to Admiral Kolchak. It will be the Ministry of Victory.¹³

This could not but concern the Provisional Government. On that same day, on June 13, a search was made at the editorial office. The official editor of the newspaper P. Eremeev was even arrested, which provoked protests from the conservative and liberal press.¹⁴ This inevitably increased the recognition and popularity of the newspaper.

---

¹¹ In June 1917, the organ of the “inter-district” (*mezhrayontsy*) Left Social Democrats noted, “. . . yellow journalism in the streets calls itself non-partisan socialist press.” (*Vpered*, no. 1. 1917) This refers to *Malen'kaya gazeta*.

¹² *Malen'kaya gazeta*, June 15, 1917.

¹³ “Citizens, Russian people!” [in Russian], *Malen'kaya gazeta*, June 13, 1917.

¹⁴ O.N. Znamenskii, ed., *St Petersburg Workers and the Great October* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1987), 212–13.

Socialist leaders called for a boycott. In an article published on June 17 in *Pravda*, V. Lenin mentioned *Malen'kaya gazeta* among several of the most characteristic representatives of the “infamous counter-revolutionary press” and demanded a fight against the “unbridled, blatantly counter-revolutionary” press. *Pravda* called for a boycott of the bourgeois and especially the Black Hundreds press, to extend the boycott to those newsvendors who sold such newspapers, to those workers and soldiers who read them.¹⁵

At the same time, *Malen'kaya gazeta* established contacts with the military counterintelligence of the Petrograd Military District, whose chief, B. Nikitin, recalled:

Among the few of my secret agents, I had a very moderate anarchist who was an employee of *Malen'kaya gazeta*. He rendered us very useful services free of charge and without any effort, since his membership in the party on the one hand, and his writer's card on the other hand, opened many closed doors for him without raising any suspicion at all.¹⁶

Apparently, it was about Pyatkin-Vensky.

It is possible that the cooperation between *Malen'kaya gazeta* and counterintelligence officers had other forms. In any case, B. Nikitin tried to support the newspaper and sympathized with its orientation. According to him, menshevik M. Skobelev, who became the Minister of Labor in the coalitional Provisional Government, once contacted him with a request. He wanted the counterintelligence to close down *Malen'kaya gazeta*. This did not correspond to the stance of Nikitin who believed that A. Suvorin “subtly and wittily kept talking about the inaction of the Provisional Government” and “covered his criticisms in the form of humorous stories.” B. Nikitin recalled:

In them, Skobelev, a wealthy native of Baku, a Molokan and a socialist, was hit particularly hard. . . We, who were watching the hopeless anemia of the Supreme Power at close range, were ready to sign under Suvorin's articles with both hands, and sometimes laughed at his well-aimed jokes until our eyes watered. Moreover, some employees of this newspaper awakened the most ardent sympathy in me because they helped counterintelligence absolutely free of charge.¹⁷

B. Nikitin refused to comply with the request of the minister.

The memoirist was unlikely to describe the situation correctly, but the issue of the newspaper of A. Suvorin was probably discussed in the government circles, for the leftists apparently pressured the government. For instance, on June 22, the Executive

---

¹⁵ V.I. Lenin, “How to Fight Counter-revolution” [in Russian], in *Complete works of Lenin V.I.: in 54 vols.*, vol. 32 (Moscow: Gospolitizdat, 1962), 349.

¹⁶ B.V. Nikitin, *Fatal Years (New Testimony of a Participant)*, Reprint from the 1937 edition, Paris [in Russian] (Berson, Vermont: Chalidze Publications, 1987), 167.

¹⁷ B.V. Nikitin, *Fatal Years*, 167.

Committee of the District Soviet of the Petrograd Side described the publications of *Malen'kaya gazeta* as “pogrom agitation” and called on the military and factory committees to boycott the newspaper, and also decided to petition the Executive Committee of the City Soviet to close it down, to send a request to the Minister of Internal Affairs, and to call on the Union of Printing Workers to abstain from publishing the newspaper.¹⁸ On July 6, the general meeting of the capital’s Union of Printing Workers suggested that all printing workers should refuse to work for *Malen'kaya gazeta* until the revocation of the resolution.¹⁹ In the height of the July Days, on July 7, a corresponding decision was made by the workers of *Malen'kaya gazeta* printing press. The latest issue of the newspaper was printed that same day. The newspaper of A. Suvorin stopped being published two days after the last issue of *Pravda* had been published. While the publication of the Bolshevik newspaper stopped as a result of the decision of the authorities, *Malen'kaya gazeta* was closed down due to the actions of the socialists who controlled the workers’ organizations.

On July 13, A. Suvorin started publishing *Narodnaya gazeta*. The staff, the editor, the layout, the form of presenting the material, and the political orientation of the newspaper – everything was exactly the same as in *Malen'kaya gazeta*. However, on August 4, after several demarches of the Petrograd Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies who demanded action against the right-wing press, the socialist revolutionary Minister of the Interior N. Avksent'ev closed down *Narodnaya gazeta*. And on August 23, on the eve of the Kornilov Affair, the newspaper *Rus'* which succeeded *Narodnaya gazeta* and the Bolshevik newspaper *Proletarii* [The Proletarian] were closed down in compliance with the circular of the Minister of War and Navy. Another newspaper of A. Suvorin, *Novaya Rus'*, which was first published on August 27, was closed down at the same time as the Bolshevik newspaper *Rabochii* [The worker] on the orders of the Petrograd Governor-General. The publication of *Novaya Rus'* was resumed on September 13 (the Bolsheviks resumed the publication of *Rabochii put'* [The worker’s path] on September 3) and ceased to exist only after the Bolsheviks came to power. The Provisional Government ordered to close down *Novaya Rus'* once again on October 24, along with the Bolshevik newspapers. Apparently, the last issue of *Novaya Rus'* was published on October 28, after the Council of People’s Commissars seized power.²⁰

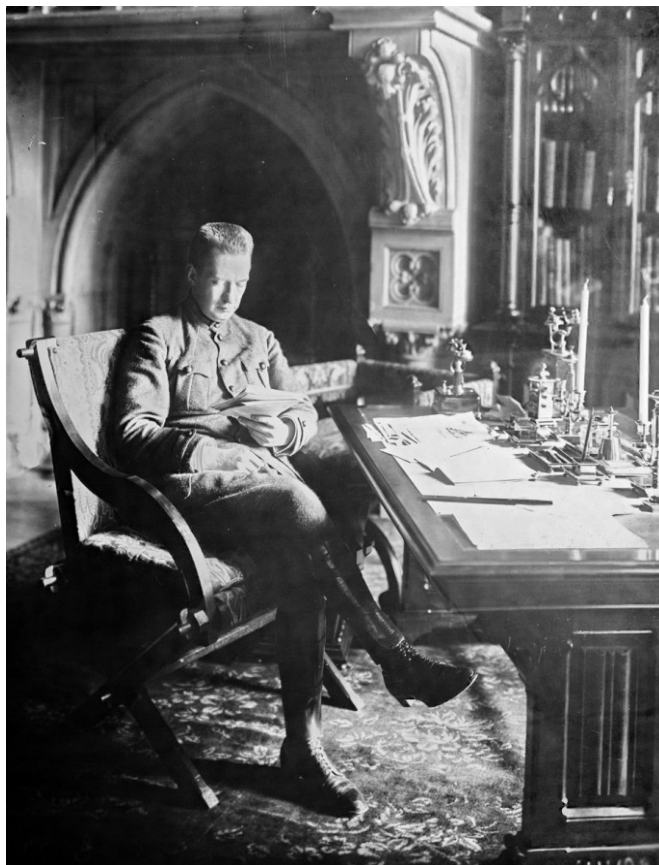
¹⁸ D.A. Chugaev, ed., *The Revolutionary Movement in Russia in May–June 1917. The July Demonstration* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959), 220.

¹⁹ *Narodnaya gazeta*, July 15, 1917.

²⁰ T.S. Grigor'yants et al., comps., *Periodical Press in Russia in 1917: Bibliographic Index*, pt. 2, *N – Ya* (Leningrad: Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M.E. Saltykova-Shchedrina, 1987), 9, 36, 112. Quite complete collection of A.A. Suvorin’s newspapers for 1917 is available at the National Library of Russia. However, the last issues are missing from this library. While preparing the present research, I did not manage to study the issues published after October 21, 1917 be-

Popular Minister and his critics

After the fall of the monarchy, the popularity of Alexander Kerensky, the Minister of Justice, the “Minister of People’s Truth” was shaped by means of the images of “the fighter for freedom,” “the Democrat Minister,” “the People’s Minister,” and “the first citizen.”

A photo of Kerensky in an armchair

Malen'kaya gazeta gave a critical appraisal of the composition of the Provisional Government, making an exception only for Kerensky. Although a few months later the Minister was criticized as a person who was replacing actions with words (and the publications of A. Suvorin contributed to that reputation quite a lot), in March *Malen'kaya gazeta* glorified him as a man of action:

Judging by his speeches, he was a mediocre deputy: there were few bright words and images in them. But on the other hand, he was always on the spot, in the heat of hot battle. . . . Apparently, he was an exceptionally active person, even though not so “verbal”! . . .

His first steps were bold and full of energy. Let him continue that way and plunge the new into the littered earth, believing that the Russian land has been waiting for the new –

---

cause the collections of the Russian State Library and the State Historical Public Library do not have them either.

which, to its mind and soul, became the old long ago – and ardently desires it and will eagerly grab it and grow strong roots around it.²¹

A sketch of the activities of the energetic minister, was working day and night, was given by A. Suvorin's newspaper correspondent who interviewed the popular minister.²²

In May, Kerensky headed the military and naval ministries and began to prepare an offensive at the front. In order to stabilize the situation in the armed forces, he also adopted the Declaration of Soldiers' Rights, which restricted the rights of military committees but did not abolish them completely. Proponents of the offensive sought to strengthen the authority of the minister, the "leader of the revolutionary army" who personified the offensive. *Malen'kaya gazeta* welcomed the new appointment of the popular politician:

Kerensky took on a new burden. . . . We wish him who *vehis Caesarisque fortunam* strength in this "march of Suvorov" of Russian history!²³

Like many other periodicals, the newspaper of A. Suvorin reprinted the resolutions of authoritative military organizations which supported Kerensky.²⁴

Until May 1917, both left-wing and right-wing opponents of Kerensky refrained from attacking the popular politician. In May, however, opponents of the offensive, the Bolsheviks in the first place, began to openly criticize the minister. This propaganda resonated with some military personnel, unpopular measures were compared with the activities of the "old regime," the minister was compared with the deposed emperor.

In their private conversations, people of liberal, conservative and right-wing views condemned some of the minister's actions, first of all the Declaration of Soldiers' Rights, which was reflected in letters and personal diaries of the time. But such opinions were rarely published in the press; on the contrary, the proponents of the attack considered it necessary to publicly support the "mastermind" of this operation.

The minister of war found himself in the middle of political battles; the supporters of the offensive glorified the "revolutionary leader," the "beloved leader of the people," the unique leader and savior. At that time, those images and persuasive devices were devised which would later be used in creating the cult of the civil war leaders.

The June Offensive ended in failure, but the military defeat turned into a political success for Kerensky: the Bolsheviks who unsuccessfully stormed the government in

---

²¹ "How Are People Found?" [in Russian], *Malen'kaya gazeta*, March 7, 1917.

²² M. Sukanov, "For a Meeting with Kerensky" [in Russian], *Malen'kaya gazeta*, April 2, 1917.

²³ *Malen'kaya gazeta*, May 3, 1917.

²⁴ *Ibid.*

July were declared guilty of the failures at the front. In this situation, the authority of the minister who sent military units from the front to the capital only increased. His power was also strengthened: when Kerensky headed the Provisional Government, he kept his post as the Minister of War and Navy. The Bolsheviks started talking about the “Kerensky dictatorship.” Corresponding resolutions were also adopted at rallies and meetings.

Meanwhile, not only the right-wing and conservative but also the liberal press turned from criticizing the Bolsheviks to criticizing moderate socialists and the Soviets. The attacks on military committees and on the leader of the Socialist Revolutionary Party V. Chernov were particularly malicious. At the same time, Kerensky was more and more openly criticized for insufficiently vigorous restoration of the Provisional Government sovereignty, despite the fact that the opportunities he had were objectively limited: the Soviets and military committees wielded considerable authority while moderate socialists had strong support of the population. The military committees dominated by the right-wing socialist were the main political force for Kerensky to rely on.

More and more often, the head of the Provisional Government was called an “idle talker,” an “orator,” a politician who substitutes actions for words.²⁵ At the beginning of August, Kerensky was also called the “exhorter-in-chief.” On August 1, a general of the acting army wrote in his diary, “From the anecdotes: Kerensky is called the “exhorter-in-chief.”²⁶

Rumors started getting about concerning the immoral conduct of the head of government. This was also facilitated by the relocation of Kerensky to the Winter Palace. The first government meeting in the palace took place on July 8, in the Malachite Room. The Office of Government Affairs, a typewriting bureau and other services settled nearby. Kerensky occupied the former chambers of Alexander III on the third floor; the Prime Minister’s office was located in the chambers of Alexander II. Kerensky heard reports and held meetings in the imperial library.²⁷

The monarchists were offended by the unceremonious use of the palace furnishings, the republicans felt disapproval of the monarchical surroundings of what was happening, and the connoisseurs of antiquity were concerned about the fate of the palace. A certain official wrote in his diary:

---

²⁵ V. Amfiteatrov-Kadashev, “Pages from the Diary” [in Russian], publ. S.V. Shumikhin, in *The Past. Historical Almanac*, iss. 20 (Moscow; St Petersburg: Atheneum, Feniks, 1996), 479.

²⁶ A.M. Sivers, *The Diary. 1916–1919* [in Russian], comp. A.B. Gularyan (Moscow: Kuchkovo pole, 2019), 258.

²⁷ E.Yu. Solomakha, “Hermitage and the Winter Palace in 1917” [in Russian], in *Hermitage. From February to October. 1917. Archival Documents*, comp. E.Yu. Solomakha (St Petersburg: Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2017), 34–35.

When Kerensky leaves Petrograd, the red flag which replaced the Imperial Standard is lowered at the Winter Palace. This is a fact, not a joke. What a scoundrel Kerensky is! Will he really avoid the gallows or the lynch?²⁸

On July 23, an American diplomat quoted in his diary the rumors that Kerensky was sleeping in the bed of Alexander II. And on July 26, an officer of the French military mission mentioned a different tsar's bed: "He positions himself as a ruler in the Winter Palace, requires security guards, and sleeps in the chamber of Alexander III." A high-ranking British officer also wrote that the minister slept in the bed of Alexander III and acted like "Alexander IV."²⁹ Kerensky was often called "Alexander the Fourth" and his stay in the Palace only contributed to that.

People in the streets were also talking about that. For instance, a French officer wrote at the end of August:

Kerensky became unpopular because of his inability to restore order and moreover, because he lodges in the Winter Palace, in the room of Alexander III as they say. "It rattles me to realize that he writes with the pen of Tsar Alexander. . .," said a woman standing in a queue at a store. She was almost crying. Scandal sheets attack him viciously.³⁰

Other rumors placed Kerensky into the Empress's boudoir. On July 27, Princess L. Vasilchikova wrote to Prince B. Vyazemsky, "'The Darling' lives in the rooms of She [*sic* – B. K.], sleeps in the bed of She, and apparently enjoys it."³¹ And subsequently, the rumors that the head of the Provisional Government lay in the Empress's bed played a significant role in the feminization of Kerensky, which later became an important aspect in his delegitimation.

Rumors ascribed a variety of love affairs to Kerensky. In diplomatic circles in Paris, they said that the minister was involved with a "ballerina" while an analyst of the English War Office reported that "power intoxicated Kerensky, he divorced his

---

²⁸ "Through the Eyes of a Petrograd Official" [in Russian], publ. Ye. Nil'sen and B. Vail', *Neva*, no. 8 (1990): 193.

²⁹ J. Butler Wright, *Witness to Revolution: The Russian Revolutionary Diary and Letters of J. Butler Wright*, ed. W.Th. Allison (Westport (Conn.); London: Praeger, 2002), 107–8; P. Pascal, *Mon journal de Russie: a la mission militaire frangaise, 1916–1918* [in Russian], ed. E.S. Zashikhin, trans. V.A. Babintsev (Yekaterinburg: Gonzo, 2014), 336; A.W.F. Knox, *With the Russian Army: 1914–1917*, 2 vols., vol. 2 (London: Hutchinson, 1921): 672.

³⁰ Pascal, *Mon journal de Russie*, 371.

³¹ Pis'mo knyagini L.L. Vasil'chikovoi knyazyu B.L. Vyazemskomu ot 27 iyulya 1917 g. [Letter from Princess L.L. Vasilchikova to Prince B.L. Vyazemsky, July 27, 1917]. F. 1623, op. 1, d. 613, l. 43. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Peetersburg, Russia. Kerensky was called Darling (*Dushka*) when he was compared to a theatrical celebrity, an object of adoration of numerous female fans.

wife, took a ballerina as a mistress and slept in the Empress's bed."³² In Petrograd, there were talks that Kerensky was going to marry Grand Duchess Tatyana Nikolaevna, daughter of the former tsar. The information about the circulation of this incredible gossip got in the pages of the press.³³

At that time, Kerensky really left his family; in the palace he lived with his lover Elena (Liliya) Vsevolodovna Biryukova (née Baranovskaya), a cousin of his wife Olga L'vovna (née Baranovskaya). The general public was not aware of this love affair but it was an open secret among Kerensky's acquaintances.³⁴

The theme of the minister's depravity was supplemented with the rumors that he was using alcohol and drugs. By early June, rumors about him using morphine had reached Odessa.³⁵ Others believed that the head of government used cocaine.³⁶

Liberals, conservatives and rightists contrasted Kerensky with General L. Kornilov who was appointed the Supreme Commander-in-Chief in July. The General Staff became an alternative center of power; the plans of liquidation of military committees, militarization of the rear and neutralization of socialist influence were born there. This provoked opposition from the Soviets, military committees, trade unions, and leaders of moderate socialists. They denounced Kornilov, and sometimes criticized Kerensky for insufficient counteraction to "counter-revolution".

---

³² F. Bertie, *Behind the Scenes of the Entente. Diary of the British Ambassador at Paris: 1914–1919* [in Russian], trans. E.S. Berlovich (Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927), 160; B.I. Kolonitskii, "British Missions and A.F. Kerensky (March–October 1917) [in Russian], in *Russia in the 19th – 20th Centuries: Collection of Articles Devoted to the 70th Anniversary of R.Sh. Ganelin*, ed. A.A. Fursenko (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1998), 67–76.

³³ "V.N. Lvov Has the Key" [in Russian], *Zhivoe slovo*, October 5, 1917.

³⁴ Z.N. Gippius, *The Blue Book: Petersburg Diary, 1914–1918* [in Russian] (Belgrade: Tipografiya Radenkovicha, 1929), 161; Z.N. Gippius, "Sovremennaya zapis" [Modern Record]. F. 481, op. 1, d. 3, l. 188. Otdel rukopisey Rossiyskoi natsional'noi biblioteki [Manuscripts Department of the National Library of Russia] (OR RNB), St Petersburg, Russia. About this affair of Kerensky, see R. Abraham, *Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution*, 105–7, 244, 266–67.

³⁵ E.I. Lakier, "Excerpts from the Diary – 1917–1918" [in Russian], in *'But he Who Endures to the End Shall Be Saved': Women's Confessional Texts on the Revolution and the Civil War in Russia*, comp. O.R. Demidova. (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013), 142–43.

³⁶ Amfiteatrov-Kadashev, "Pages from the Diary," 494.

Caricature. "Belated disappointment." *Bich*, September 1917.

Various forces tried to secure a political union between Kornilov and Kerensky in order to limit the influence of the Soviets and committees. The head of the Provisional Government and the Commander-in-Chief made a secret agreement according to which reliable troops were to be transferred to Petrograd. That agreement could not be long-lasting: the parties reasonably suspected each other of their own political games. Kerensky was thinking about the dismissal of Kornilov, and the entourage of the Commander-in-Chief hated Kerensky and made plans to form the government with Kornilov at the head. Mutual intrigues of Kerensky and Kornilov, in which their associates were also involved, resulted in an open confrontation. Kerensky demanded that Kornilov resign, the general refused to do so and openly opposed the Provisional

Government. A few days later Kornilov and his supporters were arrested. Some contemporaries described the Kornilov Affair as a civil war.

Kerensky as a traitor

It seemed that Kerensky won a political victory, but it was actually a Pyrrhic victory for him. The revolutionary committees established by the Soviets played a significant role in suppressing the Kornilov Rebellion. These extraordinary bodies of authority were still active after the liquidation of the Kornilov Affair. Disorganization in the armed forces intensified, and the crisis of power manifested itself both in the growth of crime which posed a threat to public safety, and in the aggravating disorganization of supply. Against this background, the influence of the Bolsheviks and their allies, anarchists and internationalists, was growing. Ethnic conflicts and separatist sentiments in different parts of the country were growing even more.

Kerensky sought to recreate the Provisional Government which would include moderate socialists and Kadets. Meanwhile, the leadership style was criticized as well as the party composition of the new government because many important decisions were made by Kerensky personally. Even moderate socialists denounced this “one-man regime,” and the Bolsheviks condemned the “regime of complete irresponsibility and one-man dictatorship.”³⁷

The situation of those days was described by a former aide-de-camp to the commander of the troops of the Petrograd Military District Colonel G. Polkovnikov. While in the office of his superior, he witnessed the commander trying to convince several elderly civilians. When saying goodbye, a grey-haired gentleman with cheerful eyes said, “I am sorry, very sorry. I have just prepared a bitter short article for Alexander Fedorovich. He is acting quite arrogant, lying on the royal feather-beds.” (This gentleman was A. Suvorin.) The colonel replied cheerfully, “Well, be patient for a while, Aleksey Alekseevich, and then you can push again. Let him catch his breath.” It turned out that the commander of the district had a special meeting with the editors of the right-wing and moderate newspapers at the request of the authorities:

“There,” he waved to the Winter Palace, “they got quite scared before the opening of the Democratic Conference and asked me to shut the mouths of *Zhivoe slovo* and *Novaya Rus'* at least for a couple of days. They heard that Suvorin was stubborn, but we persuaded him.” “Thank God, I have persuaded these devils, Kerensky will be glad,” the colonel said with satisfaction.³⁸

---

³⁷ *Delo naroda*, September 3, 1917.

³⁸ I.L. Birk, “In the days of agony and fall of the Provisional Government (Memoirs of an aide-de-camp to the commander of the troops of the Petrograd Military District, August–October 1917)” [in Russian], *Vestnik Obshchestva russkikh veteranov Velikoi voiny v San-Frantsisko*, no. 162–163 (1939): 24. I thank K.A. Tarasov who introduced me to this source.

The evidence of the memoirist is remarkable in several respects. The Provisional Government paid special attention to right-wing propaganda, and especially to *Novaya Rus'*, and the military had an opportunity to pressure those press organs. It can be assumed that those opportunities were not always used.

On September 25, with great difficulty, Kerensky formed the new Provisional Government, which included moderate socialists and liberals. The party leaders, however, were not included into the cabinet that time. People of different views mentioned the regime of Kerensky's "personal power" more and more often, and under such conditions it was the authority of the politician that became the most important power resource.

Meanwhile, the authority of the head of the Provisional Government was given new trials, which was especially noticeable on the ships of the Baltic Fleet. A well-informed officer of the naval staff wrote in his diary on September 11: "What is Kerensky?! Who else supports him here?!"³⁹ In the future, the relations between the head of government and the elected bodies of the navy, whose resolutions denounced him as a "traitor" and "slanderer," got even worse.⁴⁰ Such sentiments revealed themselves not only among the Baltic sailors. For instance, on September 30, a quartermaster general of the Northern Front staff V. Baranovsky reported that the committee of the 95th regiment of the 24th division criticized the latest order of the supreme commander and called Kerensky a "traitor."⁴¹

It was not the first accusation of the politician of treason and betrayal. The preparation of the June Offensive was already accompanied by propaganda battles, and Kerensky, who personified the offensive, was called a traitor both by the Bolsheviks and by the other opponents of the offensive. Not only anti-war, but also anti-bourgeois consciousness manifested itself in this criticism against the minister. An officer of the French military mission recorded the conversations about Kerensky saying that he "sold himself to the bourgeoisie," and some soldiers also called him a "traitor."⁴²

The theme of Kerensky's "treason" acquired a new meaning in connection with the Kornilov Affair. The supporters of the general accused the head of government of betraying the commander-in-chief and the opponents of Kornilov accused Kerensky

---

³⁹ "The Baltic Fleet on the Eve of October (From the diary of I.I. Rengarten)" [in Russian], *Krasnyi arkhiv*, vol. 4 (35) (1929): 26.

⁴⁰ N.D. Boldyreva, T.S. Dmitrenko, and A.A. Murav'ev, comps., *Baltic Sailors in the Preparation and Conduct of the Great October Socialist Revolution: A Miscellany* [in Russian], ed. R.N. Mordvinov (Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1957), 231–33; S.P. Knyazev and A.P. Konstantinov, eds., *October Armed Uprising in Petrograd. Memoirs of the Active Participants in the Revolution: A Miscellany* [in Russian] (Leningrad: Lenizdat, 1956), 79–81.

⁴¹ D.A. Chugaev et al., eds., *The Revolutionary Movement in Russia in September 1917. The National Crisis* [in Russian] (Moscow: Akademiya Nauk SSSR, 1961), 462.

⁴² Pascal, *Mon journal de Russie*, 289; O.N. Chaadaeva, comp., *Soldiers' Letters of 1917* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927), 95–96.

of patronizing the rebel general and conspiring with him. Different versions of Kerensky's intrigues contributed to the spread of conspiracy theories, in which Kerensky became a key figure. In mid-September, the author of the press review compiled for the government departments entitled one of the sections of the review "Against Kerensky." He wrote, "The Bolshevik *Rabochii Put'* and the Black Hundred *Novaya Rus'* announced a campaign against Kerensky." At the same time, *Rabochii Put'* wrote that there was almost no difference between Kerensky and Kornilov, and *Novaya Rus'* saw Kerensky as personification of personal power (which actually was not quite different from the assessments given by the left-wing press).⁴³

It was hardly quite correct to refer to the newspaper of A. Suvorin as Black Hundred (let me remind that this is how Lenin described it), but at that time any manifestation of anti-Semitism and any calls for pogroms in different meanings of the word were often interpreted as manifestations of Black Hundred sentiments. Similar accusations were addressed to the Bolshevik press as well. Thus, the newspaper *Den'*, which was essentially an organ of the right-wing Mensheviks, demanded that the government should take measures against the "pogrom press," primarily against the Bolshevik *Rabochii Put'* and *Novaya Rus'*.⁴⁴

The Bolsheviks called Kerensky a Kornilov follower and stated that the head of the Provisional Government was preparing a new Kornilov rebellion. At the end of September, Lenin wrote: "Kerensky is a *Kornilovite*; by sheer accident he has had a quarrel with Kornilov himself, but he remains in the most intimate alliance with other Kornilovites."⁴⁵

At the forefront of propaganda attacks on the Provisional Government and its head was A. Suvorin, who continued to acquire new readership for his newspapers. On October 1, General V. Glazov wrote in his diary:

At my request, doorman Yakov bought me *Novaya Rus'* today. It was quite acrimonious in the direction of Kerensky. I read it all day.⁴⁶

In the letter "The Bolsheviks Must Take Power," written on September 12–14, Lenin encouraged his comrades-in-arms to start preparation for an armed uprising,

---

⁴³ "Obzor pechati no. 160 za 17 sentyabrya" [Press Review no. 160 as of September 17]. *Obzory pechati. Mashinopisnye kopii* [Press reviews. Typewritten copies]. F. 152, op. 4, d. 202, ll. 18, 19. OR RNB.

⁴⁴ "Obzor pechati no. 184 za 15 oktyabrya" [Press Review no. 184 as of October 15]. *Obzory pechati. Mashinopisnye kopii* [Press reviews. Typewritten copies]. F. 152, op. 4, d. 203, l. 88. OR RNB.

⁴⁵ V.I. Lenin, "Heroes of Fraud and the Mistakes of the Bolsheviks" [in Russian], in *Complete Works of Lenin V.I.: in 55 vols.*, vol. 34 (Moscow: Gospolitizdat, 1962), 250.

⁴⁶ "Dnevnik, 1915–1918" [Diary, 1915–1918]. V.G. Glazov, general [Glazov V.G., a general]. F. 922, op. 1, d. 24, l. 235. RGIA.

claiming that Kerensky was preparing to surrender the revolutionary capital to the enemies.⁴⁷ Both the plans of the Provisional Government to evacuate Petrograd and the rumors about those plans lent them credibility. The spread of conspiracy theories contributed to the situation at the front. The German armed forces had occupied the Moonsund (West Estonian) archipelago by October 6 (19). It seemed that the German fleet was now able to operate in the Gulf of Finland, which posed a threat to Petrograd.

The Bolshevik newspapers were not the only ones to suspect the government of intending to flee the capital. The author of a press review compiled for the government departments wrote that “like the Bolshevik press, *Novaya Rus'*, objects to the government's departure from Petrograd.”⁴⁸

Panic rumors about Kerensky's “treason” got to the British Foreign Office. London took them seriously and a deputy permanent secretary even asked the British ambassador to Russia whether Kerensky was financed by Germany. The ambassador denied those incredible rumors but their circulation at such high level is very illustrative.⁴⁹ The rumors reflected the beliefs of the Russian informants of foreign diplomats. People of different views discussed Kerensky's “treason.”

The rumors that Kerensky was of Jewish origin also played a certain role in delegitimation of the head of the Provisional Government. Sometimes anti-war and anti-bourgeois sentiments could be intertwined with anti-Semitism.⁵⁰

The Black-Hundred Petrograd newspaper *Groza* [Thunderstorm], which survived the fall of the monarchy, took the initiative to publicly develop the topic discussing Jewish origin of the head of government. After the July Days, *Groza* intensified its criticism against the Prime Minister: “Kerensky the solicitor wants to please the French, the British, and the Jews.” It was made clear to the reader that Kerensky not only served the anti-national forces but also might belong to them himself: “. . . some boy, . . . a shaven lawyer who looks like a yid.”⁵¹

After the Kornilov Affair, *Groza* began to mention Kerensky's supposed nationality more definitely, and in mid-September the newspaper wrote, “The soldiers allowed the Jewish lawyer to be declared supreme commander over the Russian Orthodox army.” Two weeks later, this description became more derogatory: “Magnilo-

---

⁴⁷ V.I. Lenin, “The Bolsheviks Must Take Power” [in Russian], in *Complete Works of Lenin V.I.: in 54 vols.*, vol. 34 (Moscow: Gospolitizdat, 1962), 241.

⁴⁸ F. 152, op. 4, d. 203, l. 51. OR RNB.

⁴⁹ N.E. Saul, *Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917* (Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978), 174.

⁵⁰ B.I. Kolonitskii, “Alexander Fedorovich Kerensky as a ‘Victim of Jews’ and a ‘Jew’” [in Russian], in *Jews and Slavs*, ed. W. Moskovich, vol. 17, *The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia* (Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2006), 241–53.

⁵¹ *Groza*, July 9, 1917.

quent lawyer Hymie Kerensky.”⁵² A week later *Groza* wrote about “yid Kuliver” who became the head of state (allegedly, a certain widow Kuliver married a teacher Kerensky, who adopted and baptized his stepson and the latter then took the last name of his stepfather).⁵³

At this time, the anti-Semitism of *Novaya Rus'* began to manifest itself more openly. Of the 648 respondents to the questionnaire used in the survey “How to save the dying Russia” conducted by the newspaper, 48 people demanded the elimination of “Jewish dominance.” The newspaper also contained hints regarding the anti-people policy of Kerensky and his “alien” origin. A.A. Suvorin referred to the revolution as the Second Time of Troubles, and to Kerensky, as new False Dmitry. There was even a similarity between the head of government and his “predecessor”:

... Kerensky's face bears much resemblance to the portraits of False Dmitry I: large, gloomy features indicating a touch of some southern blood, closely cropped hair; only two warts under the left eye that the False Dmitry I had are missing.⁵⁴

It can be assumed that the remark on “a touch of southern blood” suggested an anti-Semitic reading.

A certain Ivan Ivanov wrote a letter to *Novaya Rus'*, in which he denounced Kerensky's “sham power,” called it “the scum of the present moment” and “a waste product,” saying the following:

I am a Russian man, not only by name but also by spirit, and I would like to see a pure Russian at the helm of power, the one who responds to this moment both with his mind and with his heart.⁵⁵

The same issue of the newspaper published a fragment of the letter from a certain lady:

Without removing Kerensky and all the Soviets with all their Nakhamkis, Apfelbaum, Bronstein, Gan, Dan, Gots, Rosenfeld and various “Blums,” obviously, it is impossible to save Russia.⁵⁶

Xenophobia of *Novaya Rus'* was different from anti-Semitism of *Groza*, but in both cases the attack on Kerensky was connected with anti-Semitism.

This issue was raised even at some respectable gatherings. At a meeting of public figures in Moscow on October 12, Cossack Orlov stated:

⁵² *Groza*, September 17, 1917; *Groza*, October 1, 1917.

⁵³ *Groza*, October 8, 1917; *Groza*, November 5, 1917.

⁵⁴ *Novaya Rus'*, October 7, 1917.

⁵⁵ *Novaya Rus'*, October 10, 1917.

⁵⁶ *Ibid.*

German agents and Jews are guilty of the decay of Russia. German espionage is headed by Jews, and the Jews are headed by Kerensky, a purebred or half-blood Jew.⁵⁷

This episode could serve as “evidence” of Kerensky’s Jewish origin. It is not surprising that information about it was published in *Novaya Rus'*.

Although anti-Semitism was more often characteristic for the opponents of the socialists, their rank-and-file supporters sometimes expressed such views. Thus, the opponents of the Bolsheviks recorded manifestations of “street anti-Semitism” among workers and Red Guards. Moreover, some representatives of the lower classes of the capital enjoyed reading both the Bolshevik newspapers and the right-wing periodicals which criticized the head of the Provisional Government. In early October 1917, some, but not all, common speculations about the daily life of the head of the Provisional Government were quoted in the diary of a Petrograd historian:

The wildest rumors about Kerensky are being put about. That he is a baptized Jew, that he is getting drunk in the Winter Palace, lying in the bed of Alexander III (although Alexander III did not live in this palace at all), that he divorced his wife to marry an actress Thieme and their wedding was in the palace church and that that very crowns which were used at the royal wedding were above them. And these barbaric things are repeated everywhere, even among intelligentsia. Today I've heard these absurdities from the people of very right views and also in the street, from a notorious Bolshevik worker. I heard him let drop, “It becomes only such a yid as Kerensky to be such a coward.”⁵⁸

The image of the illegal resident of the palace, an impostor mimicking the monarch, was especially important for discrediting Kerensky. It was actively used both by the left and by the right critics of the head of the Provisional Government.

In May, conversations about Kerensky’s “histrionics” already began, which reflected disappointment in the euphoric, theatrical political style of the initial stage of the revolution. People of different views were fed up with words and demanded actions from the government officials. The widespread mood was expressed by the poet K. Balmont, who published the poem “The Talker” (“*Govoritel'*”) which was reprinted by various periodicals, including *Novaya Rus'*.⁵⁹ The image of the “actor” – “opera tenor,” “clown,” “rope dancer”, “juggler” – was feminized, and Kerensky was sometimes called not an “actor,” but an “actress.” This image appeared in the pages of the left-wing press in May, but it was suspiciously thoroughly quoted and criticized in different conservative publications.⁶⁰ At the same time, the Bolsheviks

---

⁵⁷ *Novaya Rus'*, October 14, 1917; *Bor'ba: Organ Ekaterinoslavskoi organizatsii RSDRP*, October 17, 1917; N.P. Okunev, *Diary of a Muscovite (1917–1920)* [in Russian], 2 bks. (Moscow: Voenizdat, 1997), 93.

⁵⁸ G.A. Knyazev, “From the Notebook of a Russian Intellectual for the Time of the War and the Revolution of 1915–1922” [in Russian], *Russkoe proshloe*, no. 2 (1991): 170–71.

⁵⁹ *Novaya Rus'*, October 21, 1917.

⁶⁰ V. Nevskii, “Impotence of Power” [in Russian], *Soldatskaya pravda*, May 3, 1917.

openly wrote about Kerensky such things that people of conservative views discussed only among themselves.

On the eve of the Bolsheviks coming to power, some newspapers which supported the head of the Provisional Government pointed out partial coincidence of propaganda spread both by left-wing and right-wing publications. On October 20, the newspaper of the right-wing socialist revolutionaries wrote:

Some call for pogroms in the name of the slogan “All power to the Soviets,” others do that in the name of the slogan “All power to Kornilov!” And all of them stigmatize Kerensky.⁶¹

Among the periodicals stigmatizing the Prime Minister, the article pointed out *Novaya Rus'* and the Bolshevik *Rabochii put'*. The statement that the abovementioned newspapers actually called for pogroms is unlikely to be true, but they definitely helped to create the atmosphere which was propitious for organized and spontaneous acts of violence. Both the Bolsheviks and *Novaya Rus'* (along with other right-wing newspapers), with equal energy but for different reasons, attacked Kerensky personally and the arguments they used were similar.

In this connection, some publications even wrote about the “degradation of Bolshevism” (that is how one of the sections of a press review prepared for government departments was entitled). The main newspaper of the Socialist Revolutionary Party wrote:

Among the workers, the readership of the Bolshevik *Rabochii put'* is decreasing day by day. But the demand for the Black Hundred *Novaya Rus'* is increasing. . .⁶²

This assessment is unlikely to be completely accurate. At that time, the authors of A. Suvorin's newspaper pointed out the loss of contact with their usual readership. Old readers accused the newspaper of betraying its ideals. They called the popular Evgeny Vensky a “renegade” and a “traitor”. According to the editors, in the autumn such letters came in “in hundreds.”⁶³ A certain Seryozha, a desperate devil (*Serezha, chert otchayannyi*), who believed that the newspaper “betrayed the working class,” even threatened the authors with bodily harm.⁶⁴ But on the outskirts of Petrograd, people often read both the Bolshevik press and the newspaper of A. Suvorin.

---

⁶¹ *Volya naroda*, October 20, 1917.

⁶² “Obzor pechati no. 179 za 10 oktyabrya” [Press Review no. 179 as of October 10]. *Obzory pechati. Mashinopisnye kopii* [Press reviews. Typewritten copies]. F. 152, op. 4, d. 203, l. 88. OR RNB; “Petrograd, October 10 (23). Bolshevism and the Mood of the Masses” [in Russian], *De-lo naroda*, October 10, 1917.

⁶³ *Novaya Rus'*, October 10, 1917. The fact that the newspaper was criticized by the readers was reported earlier. See *Malen'kaya gazeta*, June 2, 1917.

⁶⁴ *Novaya Rus'*, October 17, 1917.

Supposedly, among other things, it was connected with the simultaneous criticism against Kerensky both by the left- and the right-wing circles.

The Bolshevik attack on the Provisional Government in October 1917 was supported only by a minority of Russian residents (although the party enjoyed considerable influence in the capitals and industrial centers), but very few were prepared to defend Kerensky himself. This is what different contemporaries happened to write in their diaries in a similar way.⁶⁵

Some people of conservative and right-wing views even believed that the Bolsheviks, who had done the “dirty work” of overthrowing the Provisional Government, would not hold power for a long time and a firm hand of dictatorship would succeed them. *Novaya Rus'* was among those who were convinced that great success of the Bolsheviks was impossible, and that conviction was recorded in press reviews.⁶⁶

Conclusion

The negative images of Kerensky, which initially emerged in letters and personal diary entries recording conversations of contemporaries, penetrated the newspapers some time later. Starting from May, the negative features of the minister began to be publicly articulated by his left-wing opponents, especially the Bolsheviks. During the preparations for the June Offensive, the liberal, conservative, and even right-wing critics of the Minister of War and Navy refrained from expressing their views openly but inside their circles they condemned some of his measures, especially the “Declaration of the Soldiers’ Rights” which allowed the establishment of military committees in the army. Only after the July Days, when Kerensky headed the Provisional Government, he was openly criticized in the pages of the conservative, right-wing, and, later on, liberal press. Those propaganda actions were intertwined with attacks on military committees, the Soviets, and moderate socialists. Often, A. Suvorin’s newspapers assumed the role of the initiator of those propaganda campaigns, and that fact attracted public attention to them.

Different political forces opposing each other used the same tactics of delegitimizing the Provisional Government and Kerensky himself in the first place, presenting him as an unrighteous ruler. Both the left- and right-wing opponents of the

---

⁶⁵ Amfiteatrov-Kadashev, “Pages from the Diary,” 490; “Zapisi raznykh lits po voprosam religii, konspekty knig, otryvki lektzii i prochee” [Notes of various persons on the issues religion, book summaries, excerpts from lectures, etc.]. A.V. i E.N. Polovtsovy [A.V. and E.N. Polovtsov]. F. 601, op. 1, d. 1606, ll. 32–33. OR RNB; “The October Revolution and the Baltic Fleet (From the Diary of I.I. Rengarten)” [in Russian], *Krasnyi arkhiv*, vol. 6 (25) (1927): 51; A. Budberg, “Diary of Baron Alexei Budberg, 1917” [in Russian], in *Archives of the Russian Revolution*, vol. 12 (Berlin: Slovo, 1923), 234; Yu.V. Got'e, *My Notes* [in Russian] (Moscow: Terra, 1997), 46.

⁶⁶ “Obzor pechati no. 185 (za 17 oktyabrya0” [Press Review no. 179 (as of October 17)]. O vystuplenii bol'shevikov. Obzory pechati. Mashinopisnye kopii [On the advance of the Bolsheviks. Press reviews. Typewritten copies]. F. 152, op. 4, d. 204, l. 1. OR RNB.

Prime Minister spoke about his treason, his immoral behavior, sometimes using the same words, which contributed to the spread of propaganda and increased the effectiveness of propaganda attacks on the authorities in the autumn of 1917.

In his memoirs, Kerensky did not forget to mention the simultaneous and quite similar propaganda attacks of his political enemies “from the left” and “from the right.” He argued that the right-wing circles reckoned that the Bolsheviks did not pose a great threat. Lenin would overthrow Kerensky who personified the “party of disorder,” and a few weeks later the Bolsheviks themselves would be overthrown by the “party of order.”⁶⁷ The study of the contents of *Novaya Rus'* suggests that it is Kerensky himself who was the target of A. Suvorin's newspaper criticism.

The choice of the main points in the criticism against Kerensky can be explained by the fact that it was influenced by the experience of delegitimation of imperial power during the First World War, which combined conspiracy, xenophobia, and demasculinization of the head of government. At the same time, the images of Kerensky evolved under the influence of negative images of Nicholas II, Rasputin and... the Empress Alexandra Feodorovna. The location of the Provisional Government in the Winter Palace contributed to the spread of such rumors. Moreover, and met me emphasize that again, similar tactics of delegitimation of the head of the Provisional Government were used by different political forces, sometimes fighting each other, which made rumors especial significant. Conspiracy resonance became one of the most important factors in the aggravating political situation again: some conspiracy theories provoked the appearance of others.

The analysis of *Novaya Rus'* and other right-wing newspapers allows us to better understand the cultural and political situation at the initial stage of the Russian Civil War. The future Red and the future White, including A. Suvorin and some of his employees, who resumed the work of their newspaper on the Don River, developed their tactics for mobilizing their supporters denying Kerensky and the Kerensky regime, the authority of the “traitor” and “collaborator.”

Список литературы

Александр Керенский: любовь и ненависть революции: Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников / составитель Г.Л. Соболев. – Чебоксары: Чувашский университет, 1993. – 363 с.

А.Ф.Керенский: pro et contra: личность и деятельность А.Ф. Керенского в оценке современников: антология / составитель А.Б. Николаев. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. – 768 с.

Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – Москва: Наука, 1995. – 238 с.

---

⁶⁷ A.F. Kerenskii, *The Kerensky Memoirs: Russia and the History's Turning Point* [in Russian] (Moscow: Respublika, 1993), 301.

Колоницкий Б.И. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и «еврей» // *Jews and Slavs* / под редакцией В. Московича. – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2006. – Vol. 17: The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia. – P. 241–253.

Колоницкий Б.И. Британские миссии и А.Ф. Керенский (март–октябрь 1917 года) // *Россия в XIX–XX вв.: Сборник статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина* / под редакцией А.А. Фурсенко. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 67–76.

Колоницкий Б.И. «Маленькая газета» и «маленькие люди» Петрограда в эпоху революции: периодические издания А.А. Суворина в 1917 году // *Личность, общество и власть в истории России: Сборник научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора В.И. Шишкина* / ответственные редакторы В.М.Рынков, А.И. Савин. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2018. – С. 191–207.

Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 520 с.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

Периодическая печать в России в 1917 году: Библиографический указатель / составители Т.С. Григорьянц и др. Часть II: Н – Я. – Ленинград: Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1987. – 243 с.

Питерские рабочие и Великий Октябрь / ответственный редактор О.Н. Знаменский. – Ленинград: Наука, 1987. – 488 с.

Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июльская демонстрация / ответственный редактор Д.А. Чугаев. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 662 с.

Соломаха Е. Ю. Эрмитаж и Зимний дворец в 1917 г. // *Эрмитаж. От Февраля к Октябрю. 1917. Архивные документы* / составитель Е.Ю. Соломаха. – Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. – С. 9–62.

Старцев В.И. Крах керенщины. – Ленинград: Наука, 1982. – 271 с.

Тютюкин С.В. Александр Керенский: Страницы политической биографии. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 309 с.

Федюк В.П. Керенский. – Москва: Молодая гвардия, 2009. – 406 с.

Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. – London: Sidgwick & Jackson, 1987. – 503 p.

Hasegawa Ts. Crime and Punishment in the Russian revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. – Cambridge, Mass.; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. – 351 p.

Saul N.E. Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917. – Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. – 312 p.

Smith S.S. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 455 p.

Steinberg M. Petersburg Fin de Siècle. – New Haven; London: Yale University Press, 2011. – 399 p.

References

Abraham, R. *Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution*. London: Sidgwick & Jackson, 1987.

Chugaev, D.A., ed. *Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v mae–iyune 1917 g. Iyul'skaya demonstratsiya* [The revolutionary movement in Russia in May–June 1917. The July demonstration]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. (In Russian)

Fedyuk, V.P. *Kerenskii* [Kerensky]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. (In Russian)

Grigor'yants, T.S. et al., comps. *Periodicheskaya pechat' v Rossii v 1917 godu: Bibliograficheskii ukazatel'* [Periodical Press in Russia in 1917: Bibliographic Index]. Pt. 2, *N – Ya*. Leningrad: Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M.E. Saltykova-Shchedrina, 1987. (In Russian)

Hasegawa, Ts. *Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd*. Cambridge, Mass.; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017.

Ioffe, G.Z. *Semnadtsatyi god: Lenin, Kerenskii, Kornilov* [Seventeenth year: Lenin, Kerensky, Kornilov]. Moscow: Nauka, 1995. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. *'Tovarishch Kerenskii': Antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta 'vozhdy naroda' (mart–iyun' 1917 goda)* [‘Comrade Kerensky’: The anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the ‘leader of the people’ (March–June 1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. *'Tragicheskaya erotika': Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [‘Tragic Erotica’: Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. “‘Malen'kaya gazeta’ i ‘malen'kie lyudi’ Petrograda v epokhu revolyutsii: periodicheskie izdaniya A.A. Suvorina v 1917 godu” [*Malen'kaya gazeta* and ‘little men’ of Petrograd in the age of revolution: periodicals of A.A. Suvorin in 1917]. In *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora V.I. Shishkina* [Personality, society and power in the history of Russia: Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor V.I. Shishkin], edited by V.M. Rynkov, A.I. Savin, 191–207. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2018). (In Russian)

Kolonitskii, B.I. “Aleksandr Fedorovich Kerenskii kak ‘zhertva evreev’ i ‘evrei’” [Alexander Fedorovich Kerensky as a ‘victim of Jews’ and a ‘Jew’]. In *Jews and Slavs*, edited by W. Moskovich. Vol. 17, *The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia*, 241–53. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2006. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. “Britanskii missii i A.F. Kerenskii (mart–oktyabr' 1917 goda)” [British missions and A.F. Kerensky (March–October 1917)]. In *Rossiya v XIX–XX vv.: Sbornik statei k 70-letiyu R.Sh. Ganelina* [Russia in the 19th – 20th centuries: Collection of articles devoted to the 70th anniversary of R.Sh. Ganelin], edited by A.A. Fursenko, 67–76. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1998. (In Russian)

Nikolaev, A.B., comp. *A.F. Kerenskii: pro et contra: lichnost' i deyatel'nost' A.F. Kerenskogo v otsenke sovremennikov: antologiya* [A.F. Kerensky: pro et contra: personality and activities of A.F. Kerensky in the assessment of his contemporaries: an anthology]. St Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2016. (In Russian)

Saul, N.E. *Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917*. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978.

Smith, S.S. *Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Sobolev, G.L., comp. *Aleksandr Kerenskii: lyubov' i nenavist' revolyutsii: Dnevnik, stat'i, ocherki i vospominaniya sovremennikov* [Alexander Kerensky: love and hate of the revolution: dia-

ries, articles, essays and memoirs of contemporaries]. Cheboksary: Chuvashskii universitet, 1993. (In Russian)

Solomakha, E.Yu. “Ermitazh i Zimnii dvorets v 1917 g.” [Hermitage and the Winter Palace in 1917]. In *Ermitazh. Ot Fevralya k Oktyabryu. 1917. Arkhivnye dokumenty* [Hermitage. From February to October. 1917. Archival documents], compiled by E.Yu. Solomakha, 9–62. St Peterburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2017. (In Russian)

Startsev, V.I. *Krakh kerenshchiny* [Collapse of the Kerensky regime]. Leningrad: Nauka, 1982. (In Russian)

Steinberg, M. *Petersburg Fin de Siècle*. New Haven; London: Yale University Press, 2011.

Tyutyukin, S.V. *Aleksandr Kerenskii: Stranitsy politicheskoi biografii* [Alexander Kerensky: Pages of a political biography]. Moscow: ROSSPEN, 2012. (In Russian)

Znamenskii, O.N., ed. *Piterskie rabochie i Velikii Oktyabr'* [St Petersburg workers and the Great October]. Leningrad: Nauka, 1987. (In Russian)

Борис Иванович Колоницкий

Доктор исторических наук, профессор

Европейский университет

в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Санкт-Петербург, Россия

<http://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

boris_i_kol@mail.ru

Boris I. Kolonitskii

Doctor of Historical Sciences, Professor

European University at Saint Petersburg

Saint-Petersburg Institute of History of Russian

Academy of Sciences

St Petersburg, Russia

<http://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

boris_i_kol@mail.ru